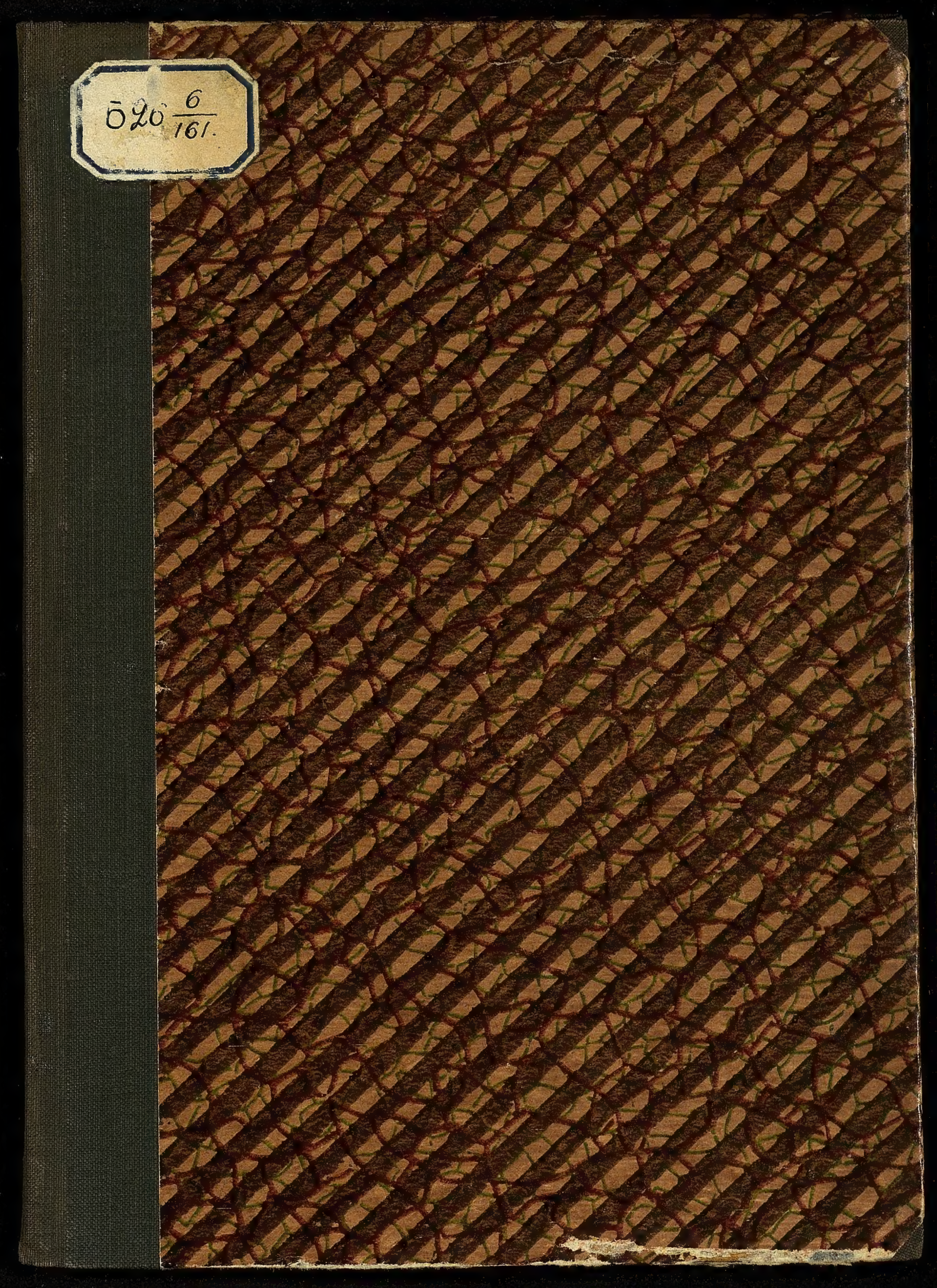
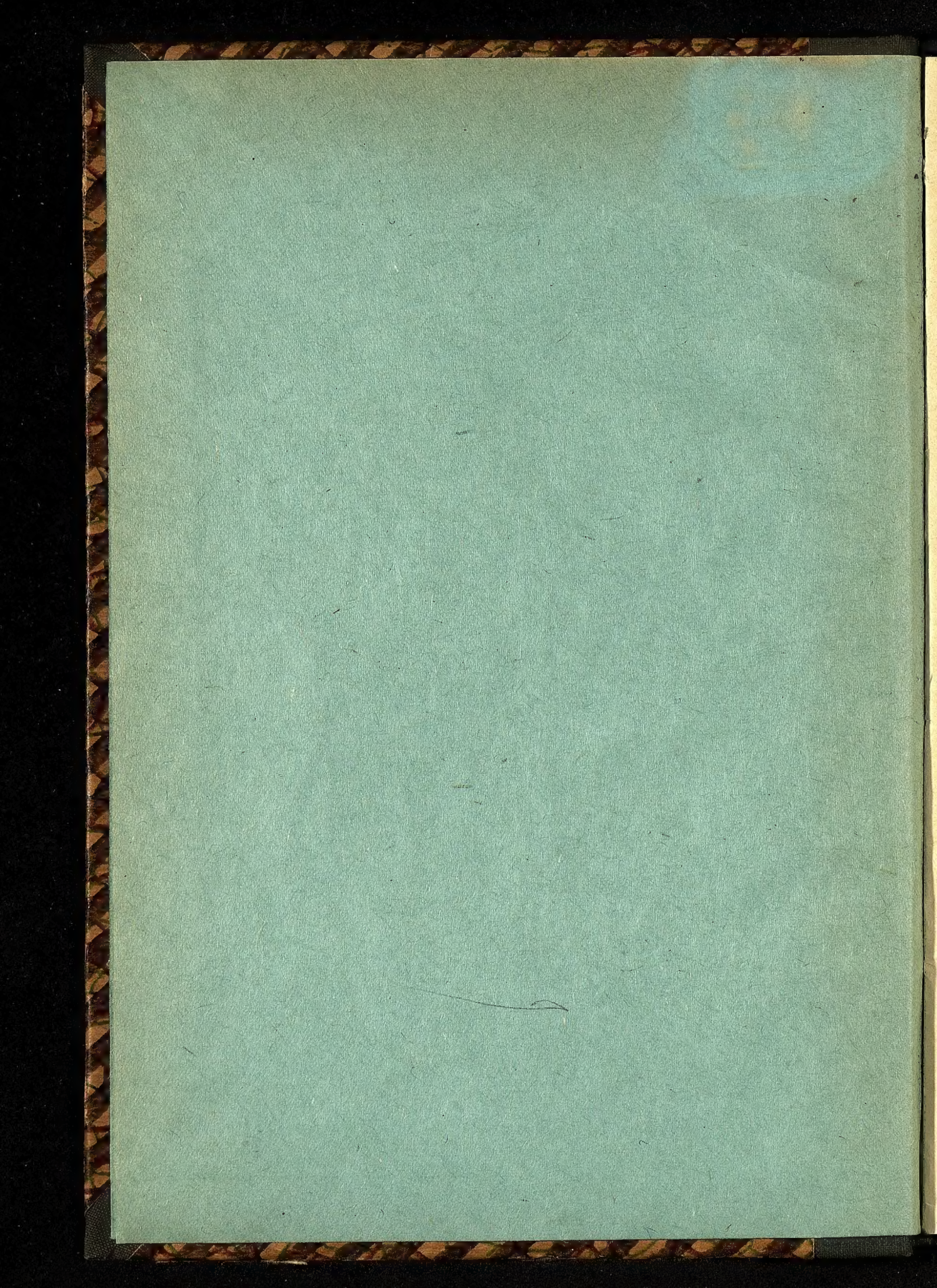

Ō26 6/161.

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ

„Мыслей объ исторіи русскаго языка“.

(Очеркъ трудовъ за 50 лѣтъ и новые матеріалы).

П. В. Владимірова.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра.
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., д. № 4.
1899.

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ

„Мыслей объ исторіи русскаго языка".

(Очеркъ трудовъ за 50 лѣтъ и новые матеріалы).

П. В. Владимірова.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра.
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., д. № 4.
1899.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Университета Св. Владиміра.

Оттискъ изъ Университетскихъ Извѣстій 1899 г.

Пятидесятилѣтіе „Мыслей объ исторіи русскаго языка".

(очеркъ трудовъ за 50 лѣтъ и новые матеріалы).

I.

8 февраля 1849 года на годичномъ торжественномъ актѣ Петербургскаго Университета профессоръ И. И. Срезневскій,—впослѣдствіи извѣстный академикъ,—прочелъ большую одушевленную рѣчь „Объ исторіи русскаго языка", которой впервые намѣтилъ важность, новость и задачи предмета изслѣдованія для русской науки. Замѣчательное совпаденіе съ этой рѣчью, появившейся въ печати, подъ названіемъ „Мыслей объ исторіи русскаго языка" (съ дополнительными примѣчаніями, въ 1850 г. и во второмъ изданіи въ 1887 г.), представляетъ одновременно появившійся большой трудъ знаменитаго германиста Якова Гримма „Исторія нѣмецкаго языка" (Geschichte der germanischen Sprache von Jacob Grimm 1848 г. и 2-е изд., въ 2-хъ томахъ, 1853 г.).

Прошло полвѣка съ появленія этихъ двухъ одушевленныхъ работъ, вызвавшихъ такое широкое научное движеніе,—и интересно оглянуться на то, что сдѣлано въ области изученія нашего отечественнаго языка. Къ краткому и сжатому очерку этихъ русскихъ работъ мы присоединимъ нѣсколько новыхъ наблюденій по исторіи русскаго языка. Это будутъ тѣ матеріалы (хотя бы по изученію одного-двухъ древнерусскихъ памятниковъ,—мы имѣемъ въ виду преимущественно Румянцевскую Лѣствицу XII-го вѣка), въ накопле-

ніи которыхъ все еще нуждается наша наука, въ которой только теперь появляются „Матеріалы для словаря древнерусскаго языка по письменнымъ памятникамъ, трудъ И. И. Срезневскаго“ (т. I—II, 1890—98 гг., до „пак“—), намѣчается вполнѣ научное изданіе важнѣйшихъ памятниковъ древнерусской письменности (описанныхъ и изученныхъ въ трудахъ И. И. Срезневскаго „Древніе памятники русскаго письма и языка X—XIV вѣковъ“ 1863 г., и 2-е изданіе 1882 г.—„Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ“ И. И. Срезневскаго 1867—1881 гг. XCI выпусковъ), ожидаются своды по палеографическимъ изученіямъ и описаніямъ рукописей опредѣленныхъ мѣстностей (И. И. Срезневскій: „Славянорусская Палеграфія XI—XIV в.“. Спб. 1885 г.).

Мысли объ исторіи русскаго языка явились вполнѣ своевременно, такъ какъ чувствовалась живѣйшая потребность разобраться въ вопросахъ, выдвинутыхъ, съ одной стороны—наукой, преимущественно трудами Востокова (начиная съ его разсужденія о славянскомъ языкѣ 1820 г.), съ другой стороны,—поднимавшихся въ журналистикѣ 30-хъ годовъ, напримѣръ, о сліяніи въ живыхъ русскихъ нарѣчіяхъ разныхъ иноязычныхъ элементовъ: скандинавскихъ, чудскихъ или финскихъ (которымъ объясняли полногласіе), польскихъ (вліянію этому приписывали происхожденіе малороссійскаго и особенно—бѣлорусскаго нарѣчій). Таковы мнѣнія Сенковскаго, Давыдова, Греча и др. До появленія трудовъ Востокова (упомянемъ еще „Описаніе русскихъ и словенскихъ рукописей Румянцевскаго Музеума“ 1842 г., въ которомъ отличены редакціи памятниковъ по нарѣчіямъ болгарскому, сербскому, русскому съ подраздѣленіями южнорусскими и сѣвернорусскими; Остромирово Евангеліе 1056—57 гг. съ грамматическими объясненіями 1843 г. и др.) не было яснаго представленія даже объ отношеніи церковнославянскаго или древнеславянскаго языка къ русскому (древнерусскому, или къ живымъ нарѣчіямъ). Въ продолженіи XVIII в. и даже въ началѣ XIX в. на церковнославянскій языкъ продолжали смотрѣть съ точки зрѣнія „Грамматики Словенскія“ Мелетія Смотрицкаго 1619 г., или—Ломоносова и его крайняго послѣдователя Шишкова. Слабы и недостаточны были представленія о различіи звуковыхъ и формальныхъ особенностей въ древнѣйшихъ славянорусскихъ рукописяхъ и собственно юго-западныхъ славянскихъ XI—XII вв., въ старопечатныхъ книгахъ и въ древнѣйшихъ рукописяхъ. Точныя научныя наблюденія Восто-

кова надъ древними особенностями языка и письма Остромирова Евангелія и другихъ старыхъ памятниковъ вывели ученыхъ филологовъ на настоящую дорогу: на дорогу возстановленія звуковыхъ и формальныхъ особенностей древнѣйшаго старославянскаго языка, который измѣняется затѣмъ въ памятникахъ письменности южныхъ славянъ и русскихъ.

Русскія особенности, замѣченныя въ старыхъ памятникахъ (Остромировомъ Евангеліи, Изборникѣ 1073 г. и др.), вызвали вопросъ о древности русскаго языка. Къ этому вопросу естественно примкнулъ съ самаго начала другой вопросъ: о древности трехъ русскихъ нарѣчій. Уже въ 1838 г. Максимовичъ касается „разныхъ мнѣній о русскомъ языкѣ" (Собраніе сочиненій М. А. Максимовича, т. III, стр. 1—25). Слѣдуя Добровскому и опираясь на Востокова, Максимовичъ задается вопросами: какое мѣсто занимаетъ народъ и языкъ русскій въ общемъ кругу соплеменныхъ ему народовъ и языковъ словенскихъ? какое отношеніе имѣетъ русскій языкъ къ церковнословенскому въ особенности? и какъ должно смотрѣть на малороссійское нарѣчіе по отношенію къ великорусскому? Этимъ вопросамъ проф. Максимовичъ посвящаетъ свою „Исторію древней Русской Словесности" (Кіевъ 1839 г.) и замѣчательные „Начатки русской филологіи" 1845 г. (см. III т. Собранія сочиненій). Труды Максимовича въ области русской филологіи заслуживаютъ добраго воспоминанія. Кіевскій ученый—прямой предшественникъ И. И. Срезневскаго,—по крайней мѣрѣ—для Мыслей объ исторіи русскаго языка. Менѣе осторожный, менѣе разносторонній, Максимовичъ является въ филологическихъ трудахъ глубоковдумчивымъ изслѣдователемъ языка. Его соображенія о русскомъ полногласіи, которое онъ возводитъ къ глубокой древности путемъ сравнительныхъ сопоставленій съ индоевропейскими языками, славянскими нарѣчіями, замѣчательны для своего времени. Въ нихъ видно и знакомство съ памятниками древнерусской письменности и съ живыми говорами русскаго языка, особенно съ малороссійскимъ нарѣчіемъ. Церковнославянскій языкъ Максимовичъ впервые ставитъ въ рядъ живыхъ славянскихъ языковъ, отдавая въ нѣкоторыхъ случаяхъ первенство русскому языку (напр., его полногласію). Онъ принимаетъ съ критикой отличительные признаки славянскихъ нарѣчій,—въ томъ числѣ и русскихъ,—выставленные учеными Добровскимъ и Шафарикомъ. Онъ видитъ глубокое отличіе русской рѣчи отъ церковнославянской письменной

при самомъ ея введеніи въ древней Руси и говоритъ о вліяніи позднѣйшемъ церковнославянской рѣчи на русскую, особенно великорусскую (стр. 80, 70 и др.). Это мнѣніе тѣсно связано у Максимовича съ его основнымъ взглядомъ на давнее отличіе малороссійскаго нарѣчія или языка отъ великорусскаго (впервые высказанное Максимовичемъ въ 1827 г. въ предисловіи къ Украинскимъ пѣснямъ). Не обладая еще строгимъ научнымъ методомъ, Максимовичъ выбираетъ изъ памятниковъ русской письменности выраженія—сходныя съ малорусскими и не встрѣчающіяся, по его мнѣнію, въ великорусскомъ нарѣчіи (неосновательно указаны въ Исторіи Русской Словесности, 174 стр.: стрѣха, хапаюся, гробля, дивуемся, лѣпшій и проч.). Въ Исторіи Русской Словесности, защищая противъ Греча древность малорусскаго нарѣчія и его независимость отъ польскаго языка (исключая вліянія въ области Перемышльской земли, стр. 100 и отчасти Волынско-Подольской) Максимовичъ готовъ признать и новгородцевъ съ тверичами (по южнорусскому выговору *ѣ* за *и*) переселенцами съ юга (116 стр.). Свое мнѣніе о древности малорусскаго нарѣчія Максимовичъ защищалъ и позднѣе противъ Срезневскаго, Лавровскаго и Погодина,—въ чемъ нашелъ себѣ и послѣдователей. „Мысли объ исторіи русскаго языка“ И. И. Срезневскаго вызвали большое оживленіе и обмѣнъ мыслей въ 50-хъ годахъ,—именно благодаря своей особенной строго исторической основной мысли: о постоянномъ, безпрерывномъ развитіи языковъ путемъ превращеній первоначальныхъ богатыхъ и разнообразныхъ формъ.

Срезневскій исходилъ изъ той же мысли, какую провелъ Я. Гриммъ въ своемъ трудѣ объ исторіи нѣмецкаго языка, высказавъ въ заключеніи II-го тома слѣдующее обобщеніе: „alle deutschen sprachen, wie weit auch ihre äste und zweige von einander getrieben haben, fallen sichtbar demselben stamm zu und bekennen eine mütterliche diota (piuda), nach der sie genannt sind; je höher man zurücksteigt, desto jänlicher werden sich Gothen, Hochdeutsche, Niederdeutsche, Scandinaven, und alle sind gleiches ursprungs“. Такъ и Срезневскій поставилъ въ связь исторію языка отдѣльнаго народа (русскаго) съ исторіей языка цѣлыхъ племенъ. Для него, какъ для слависта, была очевидна смѣна звуковыхъ и формальныхъ явленій въ западно-славянскихъ языкахъ (особенно въ чешскомъ), и эту смѣну онъ примѣнилъ теоретически къ исторіи русскаго языка. Онъ не могъ еще вполнѣ возстановить „древній первобытный языкъ рус-

скій“, но уже опредѣлялъ, съ точки зрѣнія славянской филологіи, близость древняго народнаго русскаго языка къ древнему церковно-славянскому, усматривая только очень немногія отличія между ними. Время XIII—XIV вѣкъ—было, по мнѣнію Срезневскаго, (какъ для нѣкоторыхъ западно-славянскихъ нарѣчій) и временемъ образованія мѣстныхъ нарѣчій, великорусскаго и малорусскаго, какъ нарѣчій отдѣльныхъ. Въ то же время, однако, книжный языкъ отличался отъ народнаго *всегда*; но въ X—XIV вѣкѣ отличія одного отъ другого у насъ заключались болѣе въ привычкахъ слога, чѣмъ въ грамматическихъ формахъ (см. эти выводы въ Запискѣ о древнемъ русскомъ языкѣ И. И. Срезневскаго и М. П. Погодина. Историческія чтенія о языкѣ и словесности въ засѣданіяхъ II-го отдѣленія И. Академіи Наукъ. Спб. 1887 г. или V т. Извѣстій). Нельзя не выписать еще нѣсколькихъ замѣчаній Срезневскаго, касающихся его общихъ взглядовъ на исторію русскихъ нарѣчій, книжнаго языка и на задачи научнаго изученія ихъ. Послѣднее является завѣтомъ великаго слависта и можетъ быть повторено черезъ 50 лѣтъ, какъ pia desiderata. „Давни, но неиспоконны черты, отдѣляющія одно отъ другаго нарѣчія сѣверное и южное—великорусское и малорусское: не столь уже давни черты, разрознившія на сѣверѣ нарѣчія восточное—собственно великорусское и западное—бѣлорусское, а на югѣ—нарѣчія восточное—собственно малорусское и западное—русинское, карпатское; еще новѣе черты отличія говоровъ мѣстныхъ, на которые развилось каждое изъ нарѣчій русскихъ. Конечно, всѣ эти нарѣчія и говоры остаются до сихъ поръ только оттѣнками одного и того же нарѣчія и ни мало не нарушаютъ своимъ несходствомъ единства Русскаго языка и народа“ (см. Актъ въ С.-Петербургскомъ Университетѣ 1849 г., стр. 100—101). „Дѣйствительное отдѣленіе языка книгъ отъ языка народа началось уже съ того времени, когда въ говорѣ народа болѣе и болѣе стали ветшать древнія формы, когда языкъ народа сталъ рѣшительно превращаться въ строѣ своемъ. Языкъ въ народѣ измѣнялся и весь на всемъ своемъ пространствѣ и по разнымъ мѣстностямъ, развиваясь на говоры и нарѣчія; а въ книгахъ вольно и невольно удерживался языкъ древній, неизмѣнный языкъ вѣры и Церкви. Прочное начало образованію языка русскаго, отдѣльнаго отъ языка, которымъ говорилъ народъ, положено было въ XIII—XIV вѣкѣ, тогда же, какъ народный русскій языкъ подвергся рѣшительному превращенію древняго своего строя. До XIII вѣка,

языкъ собственно книжный—языкъ произведеній духовныхъ, языкъ лѣтописей и языкъ администраціи былъ одинъ и тотъ же" (154—155 стр.). „Временное отдѣленіе Руси западной отъ восточной не могло, между прочимъ, не наложить печати на мѣстныхъ видоизмѣненіяхъ новаго книжнаго языка: въ XVI—XVII вѣкѣ его западное видоизмѣненіе довольно ярко отдѣлилось отъ видоизмѣненія восточнаго" (158 стр.).

„Каждый изъ старыхъ памятниковъ языка,—заключилъ свою рѣчь Срезневскій,—такъ сказать, завѣтомъ потомкамъ,—долженъ быть разобранъ отдѣльно въ отношеніи лексикальномъ, грамматическомъ и историко-литературномъ. По сличеніи лучшихъ списковъ, надобно составить для него особенный полный и подробный словарь, не пропуская ни одного слова, ни одного оттѣнка его значенія, и особенную полную и подробную грамматику, не пропуская ни одной формы, ни одной особенности формы. Въ томъ и другомъ должно быть отмѣчено вліяніе чужестранныхъ языковъ. То же вліяніе иностранныхъ элементовъ должно быть отмѣчено и при историко-литературномъ разборѣ памятника со стороны его содержанія, изложенія и слога.—По каждому изъ нарѣчій русскихъ и ихъ мѣстныхъ оттѣнковъ должны быть составлены отдѣльно словари и сборники образцовъ изъ пѣсенъ, пословицъ, сказокъ, разговоровъ и т. п. и для каждаго отдѣльно особенная грамматика съ разборомъ памятниковъ народной словесности въ отношеніи къ слогу, мѣрѣ, формамъ изложенія и содержанію. Развитіе языка въ мѣстныя видоизмѣненія должно быть изслѣдовано въ частныхъ монографіяхъ такъ же отчетливо, какъ и развитіе языка повременное, по памятникамъ, оставшимся отъ разныхъ вѣковъ. Вліяніе элементовъ иностранныхъ должно быть отличено въ каждомъ нарѣчіи и мѣстномъ говорѣ отдѣльно.—Современный языкъ литературы и образованнаго общества должно разобрать также отдѣльно и подробно въ отношеніяхъ лексикальномъ, грамматическомъ, литературномъ, не забывая ни писателей образцовыхъ, заботившихся о своемъ языкѣ и слогѣ, ни писателей небрежныхъ, безсознательно повторявшихъ худое и хорошее изъ привычекъ языка книгъ и общества, не забывая также вліянія иностраннаго, вольно и невольно проникавшаго въ составъ и формы языка, въ слогъ и т. д.—Только вслѣдствіе такого отчетливаго монографическаго перебора памятниковъ языка стараго и современнаго, книжнаго и народнаго, возможно составленіе историческаго словаря и

исторической грамматики, и только вслѣдствіе соображенія матеріаловъ, собранныхъ въ такомъ словарѣ и въ такой грамматикѣ, возможно приступить къ полной и подробной Исторіи языка" (184—185 стр.).

Авторъ подготовлявшейся „Исторической грамматики русскаго языка", уже выступившій съ трудомъ „О преподаваніи отечественнаго языка" (1844 г.) Ѳ. И. Буслаевъ, ревностный послѣдователь Я. Гримма, привѣтствовалъ появленіе „Мыслей" Срезневскаго въ статьѣ Отечественныхъ Записокъ 1850 г. (т. 72, V отд. 31—58). Доказывая важное значеніе исторіи языка и діалектологіи, Буслаевъ закончилъ статью убѣжденіемъ, что „исторія языка приводитъ въ извѣстность и объясняетъ грамматическія формы, словосочиненіе и корнесловъ языка русскаго, но никогда не имѣетъ въ виду предлагать для всеобщаго письменнаго употребленія ни народныхъ областныхъ реченій, ни древнихъ, устарѣвшихъ формъ языка".

Такъ же, какъ и Срезневскій, взглянулъ на Исторію Русскаго языка П. А. Лавровскій въ сочиненіи „О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей" (Спб. 1852 г.): „если и было различіе между нарѣчіемъ сѣвернымъ и южнымъ до образованія Русскаго Государства, то оно было только лексическое, зависѣвшее отъ причинъ естественныхъ: различнаго мѣстоположенія страны, различнаго климата и различныхъ, вслѣдствіе того, произведеній природы: разнообразія же въ строѣ языка, его фонетикѣ и формахъ грамматическихъ, разнообразія, которое давало бы право и въ эпоху образованія Русскаго Государства видѣть въ языкѣ русскомъ два нарѣчія, не было и, по тогдашнему положенію славянъ русскихъ, быть не могло" (7 стр.). „Только со времени раздвоенія Государства Русскаго, начатаго Боголюбскимъ, усиленнаго татарами и окончательно утвердившагося покореніемъ юга литовцами, можно ожидать начала раздвоенію и въ языкѣ русскомъ, все болѣе и болѣе развивавшемуся въ послѣдующее время. Съ XIII—XIV стол. южная Русь была покинута сѣверомъ; всякое сообщеніе прекратилось для нея и не только съ отдаленнымъ сѣверовостокомъ, но и съ самымъ Новгородомъ" (11 стр.). И вотъ Лавровскій по пути, указанному Срезневскимъ, посвящаетъ большую часть своей цѣнной работы разсмотрѣнію отличительныхъ свойствъ русскаго языка древняго, пользуясь фактами, извлеченными изъ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей и древнихъ актовъ. Отмѣчая древность русскаго языка, онъ слѣдитъ и за переворотами и утратами въ языкѣ. Исто-

рическое развитіе языка русскаго впервые въ трудѣ Лавровскаго выступаетъ наглядно: мы видимъ утрату глухихъ ъ, ь, непереходное смягченіе гортанныхъ, появленіе во множественномъ числѣ именъ мужеск. и средняго рода—амъ,—ами,—ахъ—окончаній рода женскаго, утрату супинума, прошедшихъ простыхъ, двойственнаго числа, и проч. Факты, подобранные авторомъ, любопытны и касаются не только звуковъ, формъ грамматическихъ, но и синтаксическихъ особенностей древняго русскаго языка. Затѣмъ Лавровскій переходитъ къ отличительнымъ особенностямъ стариннаго русскаго языка. „Подъ стариннымъ языкомъ, говоритъ авторъ, разумѣемъ мы языкъ, образовавшійся послѣ забвенія формъ и оборотовъ древнихъ и господствовавшій въ произведеніяхъ письменности отечественной съ XV-го вѣка. Начало его образованія совпадаетъ съ началомъ паденія языка древняго (XIII вѣка), а полное развитіе—съ послѣдними отжившими его остатками. Не будемъ думать, чтобы черты этого языка уцѣлѣли до нашего времени въ однихъ только письменныхъ памятникахъ: слѣды его живутъ во всей силѣ до сихъ поръ въ произведеніяхъ народной словесности, въ пѣсняхъ, сказкахъ и пословицахъ. Поэтому, вмѣстѣ съ лѣтописями (XV—XVI столѣтій), при краткомъ обзорѣ языка стариннаго, могутъ служить матеріаломъ произведенія и современной словесности народной, сохраняющія въ себѣ признаки старины, нерѣдко самой отдаленной“ (117 стр.). Въ опредѣленіи стариннаго русскаго языка и особенно—сохраненія его въ народной словесности авторъ разсматриваемаго изслѣдованія имѣлъ уже предшественника въ лицѣ Буслаева (О преподаваніи отеч. языка). Наконецъ, Лавровскій отмѣчаетъ въ сѣверныхъ лѣтописяхъ, грамотахъ, договорахъ и актахъ мѣстныя особенности нарѣчія новгородскаго. Для насъ и теперь интересно повторить, что въ сѣвернорусскихъ памятникахъ письменности, какъ и въ живомъ нарѣчіи, повторяются слѣдующія южнорусскія особенности (см. ихъ среди примѣтъ, перечисленныхъ г. Колессой въ Архивѣ Ягича, т. 18, стр. 519 и др.): мѣна *в* и *у* на стр. 128, 133, 142 (узвышь Псковск. лѣт.; уторникъ, усрѣтеніе Новгор. лѣт., у гридницю Новг. лѣт., усѣли Псковск., у двѣ недѣли Псковск., усходити Псковск., у Вильни Собр. Грам.; постривъ, изнырявъ прош. вр. села Талицъ; тутъ же переходъ *в* въ *у*: дѣука, пѣучій, куряука); *ѣ*=*и* и обратно, на стр. 129—130, осѣлѣ, былѣ, взялѣ, творилѣ, доконцялѣ, спустилѣ; съмѣренъ, освѣтѣвъ, Чернѣговъ, сиверъ и проч. Куд*ѣ* мы склонны

объяснить также=куди, куды, а не изъ послѣдней формы, какъ думаетъ Лавровскій; *г=h*, на стр. 132, 142, оспожинъ вм. госпожинъ, княини, „фисталъ“ изъ „гвиздалъ“ черезъ форму „виздалъ“, „хвиздалъ“; частыя окончанія прошедшихъ временъ на—хоуть,—шеть; Тъ*хв*ерь на стр. 143; 3 л. личныхъ формъ безъ—ть (е, буде и пр.); сочетанія *чо, жо*, шо, що, цо вмѣсто че, же, ше, ще, це и пр. Итакъ, только отсутствіе мѣны *ч* и *ц* и нѣкоторыя другія примѣты отличаютъ древнѣйшія южнорусскія рукописи отъ новгородскихъ. Такъ, казалось, фактически была установлена „Мыслями“ Срезневскаго и разсужденіемъ Лавровскаго мысль о томъ, что наши древнѣйшія лѣтописи и другіе памятники до-монгольскаго времени писаны людьми, говорившими языкомъ, совершенно отличнымъ отъ малороссійскаго (новаго и XVI—XVII вв.). Эту мысль поспѣшилъ высказать историкъ Погодинъ въ письмѣ къ И. И. Срезневскому (Записка о древнемъ языкѣ Русскомъ въ Извѣстіяхъ II Отд. Акад. Наукъ V т. и въ „Историческихъ чтеніяхъ“ 1857 г.) въ 1856 году: „великороссійское племя жило въ Кіевѣ“, или „въ Кіевѣ жили до татаръ не малороссіяне, а великороссіяне“. „Еслибъ Несторъ, разсуждалъ Погодинъ, и его продолжатели, кіевскіе лѣтописатели, были Малороссіяне, то какимъ бы образомъ могло случиться, чтобъ они не дали нигдѣ примѣтить своего малороссійскаго происхожденія? Какимъ бы образомъ могло случиться, чтобъ они не обронили тамъсямъ какого-нибудь малороссійскаго слова, не употребили малороссійскаго оборота, не вставили иной поговорки или удержались отъ междометія? А между тѣмъ, въ лѣтописи безпрестанно встрѣчаются слова и обороты, точно также и не церковные, какъ не малороссійскіе, которые, слѣдовательно, и должно счесть признаками племени лѣтописателей, а съ ними и обитателей. Еще болѣе—слова, относящіяся до жилища, до одежды, до пищи, въ лѣтописи отнюдь не малороссійскія. Вездѣ вы видите избу, истопку, а не хату; сапоги, лапти, а не чоботы,—квасъ, медъ, жито, и т. п. Вѣрно, лѣтописи принадлежатъ не малороссіянамъ, а какому нибудь другому племени. *Слѣдовательно и племя другое жило въ Кіевѣ, а не малороссіяне.* Вотъ какое заключеніе представилось мнѣ естественно“ (12—13 стр.). Затѣмъ Погодинъ выписываетъ примѣры изъ лѣтописи Несторовой и Кіевской, въ родѣ: „не бѣ лзѣ вкрастися въ градъ; несуть розно; уловъ уловивъ; рече Володимеръ послу Изяславлю: пойди вонъ; язъ, брате, тѣмъ не труденъ есмь: радъ, ѣду; си ночи веселъ былъ съ

своею дружиною и шелъ спать здоровъ; Володимеръ лежа творяся акы изнемогая съ ранъ, но ранъ на немъ не было"... Это слова, обороты и формы—чисто великороссійскія" (13—17 стр.). И тутъ же Погодинъ высказываетъ догадку: „а вотъ что невѣрно, и что сильнѣе моего опровергнется безъ сомнѣнія г. Максимовичемъ, котораго заденетъ оно за живое,—будто до Татарскаго времени совершенно не существовало ни малороссіянъ, ни малороссійскаго нарѣчія". М. А. Максимовичъ тотчасъ же откликнулся въ цѣломъ рядѣ „филологическихъ писемъ" (Собраніе сочиненій III т., 183—311 стр.), въ которыхъ изложилъ какъ свой общій взглядъ на исторію русскаго языка и его нарѣчій, такъ и частныя соображенія о древности малорусскаго нарѣчія. „Южнорусскій и сѣвернорусскій языки—родные братья, сыновья одной русской рѣчи. Когда они обособились? Объ этомъ, какъ видно, еще нѣтъ единогласія. Я и теперь полагаю, какъ объяснялъ уже въ „Исторіи древней Русской Словесности", что южнорусскій языкъ образовался еще въ древнее, до-Татарское время, когда Кіевская Русь была представительницею русскаго міра, какъ послѣ Татаръ стала Русь Московская", и т. д. „Южнорусскій языкъ ближе и роднѣе всѣхъ къ сѣвернорусскому, состоящему въ двухъ главныхъ нарѣчіяхъ великороссійскомъ и бѣлорусскомъ, и составляетъ съ нимъ великую рѣчь русскую или восточнославянскую" (190—191 стр., 232). Вмѣстѣ съ тѣмъ Максимовичъ поддерживалъ „прежнія утвержденія о глубокой древности малороссійскаго народа въ Кіевской „Русской землѣ", объ очевидныхъ слѣдахъ малороссійскаго нарѣчія въ языкѣ Несторовой и Кіевской лѣтописей" (245). Мнѣнія Лавровскаго и Срезневскаго Максимовичъ сводитъ къ признанію „безразличія Русской рѣчи до XIV-го вѣка, о существованіи въ то время одного языка на всей Руси и о происхожденіи великороссійскаго и малороссійскаго нарѣчій, съ ихъ отличительными особенностями, уже послѣ нашествія Татарскаго" (278). Чтобы видѣть основанія Максимовича, мы приведемъ примѣры основательныхъ и неосновательныхъ заключеній его по памятникамъ: уселеная (Изборникъ 1073 г.), вгодникъ (Успенскій Сборникъ XII в.); выйде, изыйде (Ипатьевск. XIV—XV); многашьды и мъногашъд*и* (Остромирово Ев.); 3 л. ед. ч. безъ тъ (скаже, хоче, тече, *е* стр. 297) и др. Лексическія примѣты не отличаются убѣдительностью: Максимовичъ относитъ къ числу исключительно малороссійскихъ выраженій такія, какъ „ватага", „криница", „хортъ", „статокъ" „пересердіе" (223 стр.); „туга", „смага",

„струга“; „вередити“. Достаточно провѣрить эти слова по Далю, чтобы видѣть ихъ повторенiе въ живомъ великорусскомъ языкѣ. Только названiе рыбы „коропъ“ (=волжскому „сазану“), встрѣчающееся у Данiила Паломника, можетъ быть признано южнорусскимъ.

Въ концѣ 50-хъ годовъ защитникомъ теорiи Погодина выступилъ П. А. Лавровскiй („Описанiе семи рукописей И. Публичной Библiотеки“ въ Чтенiяхъ Общ. Исторiи и Древностей 1858 г. IV т., 1—90 стр.), который принялъ за положительное мнѣнiе, „что и на югѣ Россiи въ упомянутые вѣка (первые 4 даже 5 вѣковъ, XI—XV ст.) еще господствовало не нарѣчiе малорусское, а тоже великорусское, какое мы находимъ и въ памятникахъ сѣвера, кромѣ, конечно, признаковъ новгородскаго нарѣчiя“ (73 стр. Редакторъ О. М. Бодянскiй не согласился съ этимъ мнѣнiемъ, требуя „доказательствъ прямыхъ, точныхъ и глубокаго знакомства съ нарѣчiемъ, противъ котораго ратуется“—Примѣчанiя О. Б. стр. 72—73). Къ такому мнѣнiю Лавровскiй могъ придти, имѣя подъ руками рукописи съ рѣзко выраженными новгородскими и псковскими чертами (мѣна *ч* и *ц*, дъжгь=дъждь, мѣна *с* и *ш*, *з* и *ж* въ Прологѣ XIII в., въ Минеяхъ XI—XII вв.) и съ неопредѣленнымъ правописанiемъ южнорусскихъ памятниковъ (Псалтири Толковой XII в., Изборника XIII в., Сборника XIII в.), которые характеризуются только отсутствiемъ сѣвернорусскихъ примѣтъ: для Изборника XIII в. мы знаемъ мѣну *у* и *в*, *ѣ* и *и*.

Обратившись въ 1859 г. (Журналъ Мин. Нар. Прос. ч. CII, 225—266 стр. Обзоръ особенностей нарѣчiя малорусскаго) къ самостоятельному изученiю живого малорусскаго нарѣчiя на основанiи собранiя народной словесности, Лавровскiй пришелъ къ убѣжденiю о близости малорусскаго нарѣчiя къ великорусскому, съ одной стороны, и къ сербскому языку—съ другой: „не встрѣчая ни одной черты изъ приведенныхъ выше, сродныхъ съ сербскимъ нарѣчiемъ, въ древнихъ памятникахъ русскихъ, писанныхъ на югѣ Россiи, замѣчая напротивъ, на основанiи этихъ памятниковъ, рѣзкое въ звукахъ и формахъ единство для языка обѣихъ половинъ Руси и имѣя въ лѣтописяхъ и актахъ новгородскихъ рѣшительное доказательство невозможности не прорваться гдѣ нибудь говору народному въ письменности, должны обратиться съ бо̀льшимъ еще правомъ опять къ гипотезѣ, высказанной нѣкогда М. П. Погодинымъ относительно позднѣйшаго выселенiя нынѣшняго малорусскаго племени, послѣ пора-

бощенія юга Россіи Татарами, съ Карпатскихъ горъ,—къ гипотезѣ, объясняемой вообще родствомъ говора малорусскаго съ русинскимъ карпатскимъ и подтверждаемой общими чертами съ сербскимъ нарѣчіемъ, которыя легко могли развиться на сосѣднихъ съ сербскими поселеніями Карпатахъ, въ мѣстности, гдѣ, по Багрянородному, находилась Великая Сербія“ (265 стр.). Представивъ интересный обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей малорусскаго нарѣчія, Лавровскій не забылъ и отмѣтить особенности словообразованія и синтаксиса. Недостаетъ только упоминанія о бѣлорусскомъ нарѣчіи, такъ какъ всѣ сопоставленія автора ограничиваются нарѣчіемъ великорусскимъ.

Между тѣмъ въ 1858 г. появился „Опытъ Исторической Грамматики Русскаго языка“, въ 2-хъ частяхъ, Ѳ. И. Буслаева. Какъ высокообразованный педагогъ, Буслаевъ еще въ 1844 г. въ своемъ трудѣ „О преподаваніи отечественнаго языка“ указалъ необходимость возведенія русской грамматики до сравнительной и исторической, сознавая при этомъ всю трудность и новизну дѣла, при господствѣ распространенныхъ въ то время грамматикъ Греча и Востокова: „еще не пришла пора учителямъ русскаго языка думать, что ихъ предметъ есть сосредоточіе гимназическаго курса. Наша грамматика и въ половину не дошла до той степени совершенства, на какой стоятъ нѣмецкая и французская; исторіи русскаго языка вовсе еще нѣтъ; попытки сравнительнаго изученія русскаго языка съ родственными и соплеменными еще не доросли до науки; литература наша, столь богатая для языка и слога, весьма однообразна и скудна родами и видами поэтическихъ и прозаическихъ сочиненій“. Горячій послѣдователь Я. Гримма, Буслаевъ во многихъ своихъ трудахъ старается проникнуть въ древности русскаго языка, отыскивая ихъ и въ славянорусскихъ памятникахъ („О вліяніи христіанства на славянскій языкъ“ 1848 г.) и въ областныхъ говорахъ, въ народномъ языкѣ. Остановившись на изученіи церковнославянскаго и древнерусскаго языковъ, Буслаевъ представилъ въ двухъ трудахъ 1858 и 1861 гг. важныя педагогическія и научныя пособія: упомянутый „Опытъ исторической грамматики“ и „Историческую христоматію церковнославянскаго и древнерусскаго языковъ“. Оба труда по полнотѣ изученія остаются до сихъ поръ незамѣнимыми, хотя „Опытъ исторической грамматики“ значительно устарѣлъ въ отдѣлѣ этимологіи—въ обзорѣ звуковъ и формъ, а отчасти и въ синтаксисѣ—въ отдѣлѣ объ

управленіи словъ. Христоматія Буслаева составлена большею частію непосредственно по первоисточникамъ: по рукописямъ и старопечатнымъ книгамъ,—чего нельзя сказать о послѣдующихъ трудахъ въ этой области, какъ Сборникъ А. И. Смирнова (1882 г.) и Христоматія Огоновскаго (1881 г.), представляющихъ перепечатки изъ печатныхъ неточныхъ изданій. Послѣдующія изданія „Исторической грамматики русскаго языка“ (послѣднее 5-е, 1881 г.) значительно дополнены примѣрами изъ старинныхъ памятниковъ письменности, но система грамматическихъ категорій господствуетъ надъ исторіей развитія звуковъ и формъ. Чувствуя этотъ недостатокъ (опредѣленія древнерусскихъ памятниковъ письменности въ ихъ историческомъ и діалектологическомъ развитіи), Буслаевъ опустилъ находящееся только въ первомъ изданіи „Опыта“ интересное предисловіе объ исторической грамматикѣ, о главныхъ направленіяхъ въ изученіи языка, о важнѣйшихъ пособіяхъ по предмету. Въ примѣчаніи къ первой части „Опыта“ Буслаевъ отсылаетъ читателя за подробностями этимологическихъ видоизмѣненій по вѣкамъ, нарѣчіямъ и областнымъ говорамъ русскаго языка къ примѣчаніямъ Исторической Христоматіи 1861 г. Первое изданіе „Опыта“ Буслаева вызвало обширную критику К. Аксакова (Русская Бесѣда 1859 г. V, 65—154 стр. и VI, 1—123 стр.), которому близки были интересы исторіи русскаго языка (Ломоносовъ въ исторіи русской литературы и русскаго языка, 1846 г.). Но, при бѣдности и необработанности фактовъ, Аксаковъ могъ только намѣтить хронологическое обозрѣніе русскаго языка отъ XI в. до Ломоносова включительно, и потому въ разборѣ труда Буслаева уклонился совершенно отъ историческаго метода. Такого метода, хотя бы только въ предѣлахъ хронологическаго разсмотрѣнія, мы не видимъ въ изученіи русскаго языка до появленія работы Колосова („Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка“ 1872 г.), о которой скажемъ дальше.

Первый, кто рѣшился слить современные народные говоры великорусскаго нарѣчія съ бѣлорусскимъ и нарѣчія малорусскаго съ фактами памятниковъ древнерусской письменности во всемъ ихъ объемѣ, былъ Потебня, выступившій въ 1865 г. съ статьями „О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій“ (Филологич. Записки 1865 г., вып. I—III) и въ 1870 г. съ „Замѣтками о малорусскомъ нарѣчіи“ (Филологич. Записки 1870 г., вып. I—II, IV—V). Статьи эти особенно замѣчательны по тонкости филологическаго анализа звуковъ,

отражающаго чуткость автора къ фактамъ языка и его школу, ушедшую впередъ послѣ сравнительныхъ изученій Боппа, Я. Гримма. Въ русской наукѣ къ извѣстнымъ уже намъ предшественникамъ Потебни нужно прибавить Даля, выступившаго въ 1852 г. со статьей „О нарѣчіяхъ русскаго языка по поводу опыта областного великорусскаго словаря, изданнаго вторымъ отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ" (Вѣстникъ И. Русск. Географич. Общ. книжка V, 1—72 стр.). Эта систематизація Даля исключительно основана на богатыхъ практическихъ свѣдѣніяхъ автора. Рядомъ съ драгоцѣнными матеріалами Даля (напримѣръ, Толковымъ словаремъ живого великорусскаго нарѣчія 1861 г.) въ 50—60-хъ годахъ явилось много этнографическихъ матеріаловъ по русскимъ народнымъ говорамъ. Строгонаучная систематизація этого матеріала и принадлежитъ Потебнѣ. Исходя изъ фактовъ исторіи русскаго языка (замѣтимъ, тогда еще скудныхъ), изъ данныхъ областныхъ говоровъ, изъ сопоставленія этихъ явленій съ соотвѣтствующими измѣненіями звуковъ и формъ въ славянскихъ и другихъ европейскихъ языкахъ, Потебня обращаетъ вниманіе на слѣдующія важныя явленія въ южновеликорусскихъ говорахъ и нѣкоторыхъ бѣлорусскихъ, въ сѣверновеликорусскомъ говорѣ и въ малорусскомъ нарѣчіи: замѣны глухихъ звуковъ (ъ, ь), переходы или измѣненія гласныхъ неударяемыхъ и гласныхъ, характеризующихъ русскія нарѣчія въ ихъ историческомъ развитіи, смягченіе и отвердѣніе согласныхъ, количественныя измѣненія согласныхъ, придыханія и пр. Обобщенія Потебни,—особенно о вліяніи ударенія на гласныя, о вліяніи исчезновенія глухихъ, — становятся прочнымъ достояніемъ науки. Теперь можно не согласиться только со взглядами Потебни на существованіе глухихъ ъ, ь въ сѣверновеликорусскихъ говорахъ, даже въ XIII—XIV вв., на исконное древнерусское *дж*, изъ котораго развилось позднѣйшее ж (=жд,=дј). Послѣднее явленіе Потебня внесъ даже въ число общерусскихъ примѣтъ наравнѣ съ полногласіемъ, мягкостью шипящихъ и *ц*, постановкой гласныхъ передъ плавными *р* и *л* (гласными=старосл. ръ, лъ, рь, ль), о=е въ началѣ словъ, у=ѫ, ꙗ=ѧ. Въ разсматриваемыхъ статьяхъ Потебня поддержалъ мнѣніе Максимовича о раздробленіи русскаго языка на два нарѣчія — южное и сѣверное „многимъ ранѣе XII вѣка, потому что въ началѣ XIII в. находимъ уже несомнѣнные слѣды раздѣленія самого великорусскаго нарѣчія на сѣверное и южновеликорусское, а такое раздѣленіе предполагаетъ уже и

существованіе малорусскаго, которое болѣе отличается отъ каждаго изъ великорусскихъ, чѣмъ эти послѣднія другъ отъ друга, и признаки, предполагаемые всѣми малорусскими говорами, принимаемъ за древнѣйшіе, если нѣтъ положительныхъ указаній на противное; ими прежде всего отдѣлилось малорусское нарѣчіе отъ общерусскаго языка“ (о, е долгія и короткія; *h*=*г*; позднѣе появившіяся смѣшеніе *у* и *в*, измѣненіе *л* въ *в*).

Осуществленіе задачи хронологическаго обзора особенностей русскихъ памятниковъ письменности, предложенной К. Аксаковымъ, принадлежитъ М. Колосову въ 1872 г. въ „Очеркѣ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка съ XI по XVI столѣтіе“. Упоминая въ предисловіи о своихъ предшественникахъ, Колосовъ такъ отзывается о трудахъ Буслаева: „Историческая грамматика, распредѣляющая данныя языка по грамматическимъ категоріямъ, не одно и то же, что исторія языка, которой задача—прослѣдить хронологически, послѣдовательно различныя совершавшіяся въ языкѣ, съ теченіемъ времени, измѣненія и дать имъ объясненія на исторической же почвѣ“ (VI стр.). Не изслѣдуя самостоятельно памятниковъ письменности по рукописямъ, Колосовъ опирался на изданіяхъ Срезневскаго, на изученіяхъ рукописей Московской Синодальной библіотеки Горскаго и Невоструева по извѣстному Описанію ихъ. Изслѣдуя звуки и формы памятниковъ по вѣкамъ и обобщая эти данныя для каждаго вѣка особо, Колосовъ кое-гдѣ обмолвился замѣчаніями объ отношеніи тѣхъ или другихъ особенностей къ сѣверному новгородскому нарѣчію (81 стр.), къ южнорусскому или малорусскому нарѣчію (153—154). Новгородскую особенность онъ замѣтилъ только въ XII в., а южнорусскую—только по списку XV в. Ипатьевской лѣтописи и неопредѣленно упомянулъ (стр. 104) о проявленіи *мѣстнаго* говора въ такихъ формахъ, какъ чтюнъ, своюмъ. Разсматривая очень подробно примѣты общерусскаго праязыка, Колосовъ внесъ лишнія (стр. 14): замѣну *ѣ* черезъ *е*, мѣну *у* и *в*, измѣненіе *ый* на *ой*, *ій* на *ей*. Въ предисловіи къ своему труду Колосовъ заявилъ: „нами вовсе обойденъ важный въ исторіи русскаго языка вопросъ о времени раздѣленія его на два главныя нарѣчія. На это мы отвѣтимъ, что не считаемъ возможнымъ со стороны кого бы то ни было рѣшительно въ настоящее время отвѣтить на этотъ вопросъ. Это—во-первыхъ. Во-вторыхъ же—мы имѣли въ виду только великорусскій языкъ въ его послѣдовательномъ развитіи. Можно далѣе упрекнуть насъ за отсутствіе сра-

вненія звуковъ и формъ русскаго языка съ звуками и формами другихъ славянскихъ нарѣчій и за отсутствіе такого же сравненія съ данными, представляемыми говорами современнаго нашего языка. На послѣднее отвѣтимъ: 1) разработка народныхъ говоровъ у насъ еще въ зародышѣ; 2) древніе памятники почти ничего не даютъ для характеристики діалектическихъ различій русскаго языка; 3) мы и не видѣли особой пользы для нашей цѣли въ сопоставленіи фактовъ современнаго русскаго языка съ соотвѣтствующими фактами древняго" (VIII—IX стр.).

Противъ такой постановки вопросовъ по исторіи русскаго языка выступилъ Потебня въ книгѣ „Къ исторіи звуковъ русскаго языка" (1876 г., въ которой соединены статьи съ 1873 г.: Нарѣчія въ древнемъ русскомъ языкѣ и др.), въ которой рѣшительно заявилъ, что „раздѣленіе русскаго языка древнѣе XI вѣка, и вся исторія его, основанная на свидѣтельствѣ памятниковъ, имѣетъ діалектологическій характеръ и есть исторія русскихъ нарѣчій" (стр. 2). Потебня высказался и противъ способа разсматривать явленія огуломъ, въ произвольномъ ихъ обобщеніи (12 стр.). Въ дальнѣйшихъ статьяхъ книги „Къ исторіи звуковъ русскаго языка" Потебня разсмотрѣлъ еще вопросы: о начальномъ русскомъ *о* = старосл. ѥ (съ строгой сравнительной критикой—почти всѣхъ относящихся сюда примѣровъ), мнѣнія о происхожденіи *ъ* и *ь* и времени ихъ исчезновенія въ русскомъ (приводятся сравненія съ литовскимъ языкомъ и поддерживается мнѣніе о присутствіи глухихъ въ русскомъ языкѣ—народномъ и древнерусскомъ по нотнымъ книгамъ и по сѣверновеликорусскимъ грамотамъ въ XIV—XV вв., стр. 44 „древніе глухіе звуки во многихъ случаяхъ были живы еще въ XIV—XV вв., а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, между прочимъ, на концѣ, въ свр. доходятъ вплоть до нашего времени"), глухіе звуки *ъ* и *ь* при плавныхъ *р* и *л* между двумя другими согласными (здѣсь важно мнѣніе о второмъ полногласіи, которое Потебня присваиваетъ сѣверновеликор. нар. и возводитъ къ XIV—XV вв., причемъ допускаетъ возможность признать до XII в. это полногласіе и въ другихъ русскихъ нарѣчіяхъ (101 стр.), и проч.

О другихъ мнѣніяхъ Потебни по поводу вопроса о русскихъ нарѣчіяхъ мы скажемъ ниже. Теперь же упомянемъ о важности историко-сравнительныхъ разысканій его въ области не только исторіи звуковъ, но и лексикологіи („Къ исторіи звуковъ", выпуски III—IV,

1881—82 гг.), синтаксиса („Изъ записокъ по русской грамматикѣ" 1874 г. и 2-ое изд., дополненное 1889 г.). Стоитъ сравнить послѣднюю работу съ соотвѣтствующими параграфами Исторической Грамматики Буслаева, чтобы видѣть всю важность изслѣдованія лѣтописнаго языка со стороны синтаксиса въ широкихъ рамкахъ сравнительнаго изученія. Мы опускаемъ разсмотрѣніе этихъ работъ, такъ какъ кромѣ двухъ-трехъ работъ (Е. Ѳ. Корша, Попова и др.) вопросы синтаксиса отступаютъ на задній планъ въ историческомъ изслѣдованіи русскаго языка.

Чтобы не разрывать связи, мы разсмотримъ работы по малорусскому нарѣчію и его исторіи ниже; теперь же скажемъ нѣсколько словъ о разработкѣ великорусскаго нарѣчія въ трудахъ Колосова, Богородицкаго и въ моей работѣ, къ которой я позволю себѣ сдѣлать здѣсь нѣсколько дополненій. Покойный проф. Колосовъ, основатель Варшавскаго „Русскаго Филологическаго Вѣстника" (съ 1879 г.), совершилъ въ половинѣ 70-хъ годовъ научную поѣздку по сѣверновеликорусскимъ губерніямъ, плодомъ которой явились: „Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области сѣверновеликорусскаго нарѣчія" (пять отчетовъ II Отдѣленію Академіи Наукъ, съ приложеніемъ сказокъ, пѣсенъ и заговоровъ; двѣ книги) 1876—77 гг. и „Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка" 1878 г. (собственно, только великорусскаго). Задачей „Обзора" авторъ поставилъ, какъ самъ говоритъ, „опредѣлить звуковой и формальный типъ великорусскаго сравнительно съ бѣло-и малорусскимъ" (II стр.), а также и съ древнерусскимъ. Съ большимъ вниманіемъ Колосовъ отнесся къ звуковымъ особенностямъ великорусскихъ говоровъ, объясняя ихъ по пути, указанному Потебней; но въ общемъ онъ остался вѣренъ своей манерѣ объяснять общія звуковыя явленія, а не географическое распредѣленіе особенностей народныхъ говоровъ. Оттого онъ рядомъ разсматриваетъ и сѣверно-и южновеликорусскія особенности, не говоря уже о частныхъ подраздѣленіяхъ нарѣчій. Возводя всѣ явленія къ историческимъ основамъ, Колосовъ въ концѣ книги дѣлаетъ общее заключеніе „о взаимномъ отношеніи главныхъ частей русскаго языка" (253 стр.). Онъ признаетъ три нарѣчія русскаго языка: великорусское, бѣлорусское и малорусское. Особенности послѣдняго (сохраненіе архаизмовъ русскаго праязыка и выработка новыхъ фонетическихъ чертъ, чуждыхъ древности) Колосовъ считаетъ болѣе древними, чѣмъ особенности бѣлорусскаго нарѣчія. „Быть мо-

жетъ уже въ XI—X ст. русскій языкъ не представлялъ со стороны звуковъ цѣльности въ строгомъ смыслѣ этого слова,—хотя, безъ сомнѣнія, въ эту отдаленную эпоху, и даже позже, звуковая разность рѣчи сѣвера и юга Россіи была едва ощутимою. Раздвоеніе русскаго языка въ ту пору было только намѣчено. Будущія рѣзкія разности двухъ главныхъ его нарѣчій находились, какъ выше уже замѣчено, въ зачаточномъ состояніи" (266). Особенно интересно проходящее черезъ всю книгу противоположеніе сѣверновеликорусскаго нарѣчія—южновеликорусскому народному и литературному языку, а рядомъ указаніе сходствъ сѣверновеликорусскаго съ малорусскимъ нарѣчіемъ. Изъ звуковыхъ особенностей особенно подробно разсмотрѣны случаи перехода *е*, *ъ* (ръ, лъ...), *ь* въ *ё* (jo); два примѣра (удовка, удовецъ Олонецк. губ.) свидѣтельствуютъ о томъ, что хотя нѣкоторые говоры сѣверновелик. знали мѣну *в* на *у*; *ѣ* на *и*; *и* на *е* (теун, вехорь, Кеев, яечки); *ѧ*, *а*, *я* на *е* (кнезь, грезь).

Труды Колосова представляютъ обиліе примѣровъ и ими пользуются даже такіе требовательные лингвисты - неограмматики, какъ проф. Богородицкій въ своемъ изслѣдованіи, подъ заглавіемъ: „Курсъ грамматики русскаго языка" (часть I. Фонетика, 1887 г.), изъ котораго мы приведемъ слѣдующій критическій отзывъ о трудахъ Колосова: „проф. Колосовъ не различаетъ въ своемъ изслѣдованіи главнѣйшихъ неударяемыхъ положеній, отчего его изложеніе неударяемаго вокализма страдаетъ спутанностью... въ изслѣдованіи Колосова мы не находимъ ни одного цѣлостнаго обозрѣнія какого-нибудь сѣверновеликорусскаго говора, но только—примѣры, взятые изъ разныхъ говоровъ того или другого края, такъ что примѣры эти, сопоставленные вмѣстѣ, принадлежатъ въ этой своей цѣлостности фиктивному, не существующему говору. Изслѣдователь, который пожелалъ бы прослѣдить распредѣленіе фактовъ извѣстнаго явленія на основаніи поименованнаго труда, принужденъ отказаться отъ этого намѣренія. Трудъ проф. Колосова представляетъ, такъ сказать, экстенсивное изслѣдованіе сѣверновеликорусскихъ говоровъ. Въ будущемъ надо ожидать появленія изслѣдованій интенсивнаго характера, спеціальныхъ для отдѣльныхъ говоровъ" (197 стр.). Подъ вліяніемъ работъ Колосова я обратилъ вниманіе на нѣкоторыя рукописи Соловецкаго монастыря и представилъ изученіе ихъ со стороны языка въ брошюрѣ „Нѣсколько данныхъ для изученія сѣверновеликорусскаго нарѣчія въ XVI и XVII вв." (Казань, 1878 г.). Дѣлая нѣкоторыя

обобщенія изъ приведенныхъ фактовъ, могу теперь обратить внимание на замѣчательную выдержанность написаній *лъ* въ случаяхъ, соотвѣтствующихъ старославянскимъ плавнымъ гласнымъ *лъ, лъ*: испо*лъ*нити, мо*лъ*ния и пр., между тѣмъ какъ въ другихъ случаяхъ глухой отсутствуетъ, или изображается черезъ ъ (стр. 16); далѣе, на твердость согласныхъ *ж, ш, щ* въ сочетаніяхъ съ *ы, ъ, о*; на мѣну *в* на *у* (наугородца, ноугородца 16); на постоянное употребленіе формъ „собѣ, тобѣ". Позднѣе мнѣ пришлось издать нѣсколько интересныхъ документовъ XVII в. изъ бывшихъ рукописей Соловецкаго монастыря (Извѣстія Казанскаго Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи 1880 г., стр. 94—99), въ которыхъ находятся слѣдующія особенности сѣверновеликорусскаго нарѣчія: ой,—ого, ѣ=*е*, 2 л.—шъ, 3 л.—тъ, изволъ (повелит.), ѳѳонка, озерко, кельишко ставлено, мѣстишко марѳица, тарханиху, промыселъ, истисняютъ, во опчее, ветчаное, понадобитца, про мене, во рте, вструбѣхъ, и проч.

Обращаемся теперь къ трудамъ П. И. Житецкаго, которые вызвали оживленіе въ разработкѣ вопроса о малорусскомъ нарѣчіи. Главное вниманіе автора „Очерка звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія" (1876 г.), „Очерка литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII в." (Кіевская Старина 1888 г., и отдѣльно) привлекли памятники письменности XVI—XVII вв. Еще на Кіевскомъ Археологическомъ Съѣздѣ 1874 г. г. Житецкій далъ подробное, всестороннее изслѣдованіе о Пересопницкой рукописи Евангелія 1556—1561 гг. Слѣдуя за Потебней, Житецкій значительно дополнилъ его указанія, хотя и не далъ картины діалектическихъ отличій, стремясь проникнуть въ исторію звуковъ малорусскаго нарѣчія. Кромѣ памятниковъ XVI—XVII в. авторъ обратилъ вниманіе и на языкъ грамотъ. Большое значеніе Житецкій придаетъ въ своемъ первомъ трудѣ сѣвернымъ малорусскимъ говорамъ, обращая вниманіе на „преимущество древности", уцѣлѣвшей въ нихъ, въ видѣ дифтонговъ (уо, уи, уэ, юо, юі), основного и, и проч. Задачей своего труда авторъ поставилъ: „главное вниманіе свое мы сосредоточимъ на сравненіи звуковыхъ элементовъ современнаго малорусскаго нарѣчія въ различныхъ его говорахъ съ первозвуками, изъ которыхъ они образовались и которые разсѣяны въ памятникахъ древняго и средняго періода русской письменности" (17 стр.). Потебня въ разборѣ сочиненія Житецкаго (въ 20 присужденіи наградъ графа Уварова) обстоятельно показалъ всю шаткость этихъ первозвуковъ и ихъ отраженій въ малорусскомъ нарѣчіи. Су-

щественнымъ пунктомъ разногласія являются воззрѣнія на паденіе глухихъ ъ, ь, которое Житецкій возводитъ къ особенностямъ русскаго праязыка; между тѣмъ какъ Потебня стоитъ за свою теорію присутствія глухихъ ъ, ь въ русскомъ языкѣ не только въ историческую пору XIV—XV вв., но даже и до нашего времени,—воззрѣніе, впервые высказанное Востоковымъ въ Русской грамматикѣ и раздѣляемое современнымъ лингвистомъ проф. Богородицкимъ. Житецкій въ этомъ случаѣ сближается съ Колосовымъ и Соболевскимъ. Нельзя однако не принять съ извѣстными ограниченіями взгляда Потебни. Первая работа Житецкаго написана съ большой любовью къ предмету изслѣдованія; но страдаетъ отвлеченностью построеній и неполной критикой звуковыхъ явленій. Въ виду этихъ недостатковъ самъ авторъ позднѣе обратился къ изученію фактовъ по памятникамъ XVII вѣка. Но и здѣсь не удержался на почвѣ всесторонняго изслѣдованія звуковъ и формъ, увлекшись историко-литературными соображеніями. Неполнота излѣдованія отмѣчена, напримѣръ, г. Марковскимъ въ сочиненіи „Антоній Радивиловскій, южнорусскій проповѣдникъ XVII в.“ (1894 г., глава VI „Языкъ Радивиловскаго“). Мы уже сказали, что труды П. И. Житецкаго вызвали оживленіе въ изученіи малорусскаго нарѣчія и древнихъ южнорусскихъ памятниковъ. Однако, цѣнныя замѣчанія Потебни, основанныя на фактахъ, дали болѣе плодотворныхъ теченій въ изученіи предмета. Таковы, напримѣръ, мелькомъ брошенныя замѣчанія Потебни о долготѣ ē въ отчетѣ о 20 присужденіи Уваровскихъ наградъ (стр. 800—801), развитыя и обоснованныя проф. А. И. Соболевскимъ въ „Очеркахъ изъ исторіи русскаго языка“ (1884 г.): „долгота *е* въ словахъ на—еніѥ,—иѥ должна была имѣть мѣсто до образованія удвоенія согласной, въ слогѣ прямомъ (напр. въ спа-сē-нье), на что указываетъ существованіе ф. какъ ве-сіє-лє; возможно, что именно ф.—ēньѥ—ēльѥ выражается написаніемъ—ѣньѥ и пр. въ ю.-русс. сп. поуч. Ефр. Сир. XII в.: мгновѣньѥ, пригожѣньѥ, похоулѣньѥ, спасѣньѥ, весѣльѥ“..; приводятся далѣе и другіе примѣры изъ галицкихъ памятниковъ письменности XIV—XV вв.

Изученіе малорусскаго нарѣчія въ его историческихъ судьбахъ подвинулось только съ подробнымъ изученіемъ діалектовъ, которое дано впервые въ „Трудахъ этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край“, т. VII (1877 г.), въ статьѣ „Нарѣчія, поднарѣчія и говоры южной Россіи въ связи съ нарѣчіями Гали-

чины", обработанной г. Михальчукомъ, съ приложенiемъ карты говоровъ. Статья эта дополняетъ важные матерiалы, собранные и изданные Чубинскимъ, въ 7-ми томахъ Трудовъ, представляющихъ цѣнное дополненiе къ трудамъ Головацкаго (Народныя пѣсни Галицкой Руси 1878 г., 4 т. и др.). Труды Чубинскаго, Головацкаго и друг. отразились въ лингвистическихъ изученiяхъ проф. Огоновскаго (Studien auf dem Gebiete der Ruthenischen Sprache, Lemberg, 1880 г. и Kilka słów o narzeczach i gwarach języka ruskiego въ Rozpraw'ахъ и sprawozdaniach z posiedzeń wydziału filologicznego Akademii Umiejętności, tom X. W Krakowie). Мы не будемъ останавливаться на этихъ трудахъ, ограничиваясь немногими замѣчанiями о нихъ, какъ не будемъ говорить и объ изученiи бѣлорусскаго нарѣчiя, которому посвящена нами особая статья въ Кiевскихъ Университетскихъ Извѣстiяхъ 1898 г. Въ статьяхъ и въ трудахъ Огоновскаго, при обилiи интересныхъ фактовъ, расположенныхъ наглядно и систематически, чатателя удивляетъ иногда неправильное пользованiе языкомъ памятниковъ письменности (напр. смѣшенiе вѣка рукописей, въ которыхъ дошли до насъ древнiя сочиненiя и акты, съ первымъ временемъ появленiя ихъ), неправильное толкованiе явленiй, заимствованныхъ или происшедшихъ историческимъ путемъ. Насколько интересны звуковыя явленiя въ сопоставленiи съ подобными явленiями въ разныхъ говорахъ, я приведу здѣсь нѣсколько примѣровъ изъ позднѣйшаго польскаго труда Огоновскаго. У Лемковъ въ Галицiи встрѣчаются такiя формы, какъ „гырмит, сылза, хырбет". Только „сылза" находитъ параллели въ другихъ славянскихъ языкахъ „selza, sylza, solza, сълзi". Въ западнорусской Четьѣ 1489 г. встрѣчаемъ: слызы, грытань, дрыжаху; но у Скорины 1525 г. ѿ стырчи (въ нашемъ изслѣдованiи о Скоринѣ, стр. 266). Нельзя не согласиться, въ виду этихъ фактовъ, съ мнѣнiемъ Потебни и Огоновскаго о присутствiи глухихъ звуковъ (иначе гласности *р, л*) въ сочетанiяхъ съ плавными и нѣкоторыми другими согласными. Но всѣ случаи съ *ен*, отражающимъ якобы ѫ, конечно, не самостоятельнаго происхожденiя (мента, пентоныжка и проч.).

Обращаемся теперь къ работамъ проф. А. И. Соболевскаго, занимающимъ самое видное мѣсто по изученiю исторiи русскаго языка съ фактической стороны. Уже первая работа его, подъ названiемъ „Изслѣдованiя въ области русской грамматики" (въ Русскомъ Филологич. Вѣстникѣ 1881 г. и особо), посвященная вопросамъ истори-

ческаго развитія нѣкоторыхъ формъ именныхъ и глагольныхъ, показываетъ особенное вниманіе къ памятникамъ древнерусской письменности, къ ихъ изученію въ широкихъ рамкахъ славяновѣдѣнія. Отъ хронологіи памятниковъ авторъ восходитъ такимъ путемъ къ праславянскимъ явленіямъ въ области русскихъ формъ. Онъ пользуется и широкимъ сравненіемъ данныхъ, извлеченныхъ изъ рукописей, съ особенностями живыхъ народныхъ говоровъ, но еще не выдѣляетъ памятники разныхъ мѣстностей. Въ слѣдующей своей работѣ „Очерки изъ исторіи русскаго языка" (1884 г., часть 1-я; въ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ съ приложеніями, не вошедшими въ отдѣльное изданіе: изъ Добрилова Евангелія 1164 г., Типографскаго Евангелія № 7, Типогр. Ев. № 6, Ирмолоя Григоровича XII—XIII вв., Галицкаго Ев. 1266—1301 г., Холмскаго Ев. XIII—XIV вв., Хутынскаго Служебника XIII—XIV вв., Поликарпова Ев. 1306 г., Луцкаго Ев. XIV в., Часослова XIV в., Грамоты 1438 г.) проф. Соболевскій обратился уже къ выдѣленію древнерусскихъ говоровъ на основаніи изученія цѣлаго ряда памятниковъ древнерусской письменности. Здѣсь впервые появились опыты такихъ же изученій исторіи языка, какія сдѣлалъ въ обширныхъ размѣрахъ Я. Гриммъ въ своей исторіи нѣмецкаго языка. На основаніи изученія значительнаго количества (15 большихъ памятниковъ) рукописей г. Соболевскій опредѣляетъ черты галицко-волынскаго нарѣчія въ XII—XV вѣкахъ. Намекъ, брошенный вскользь Потебней, получаетъ теперь блистательное подтвержденіе и провѣрку въ большомъ количествѣ примѣровъ. Не отмѣчая ихъ, мы упомянемъ только, что г. Соболевскій принялъ объясненіе ѣ=е (камѣнье, тридьнѣвьныи, мѣчь, будѣть и проч.) долгимъ ē, удлинненіемъ *е* послѣ паденія глухихъ. Не объясняя точнѣе природы этого звука, выражаемаго графически черезъ *ѣ*, Соболевскій ставитъ его рядомъ съ *о*, изъ котораго развилось малорусское і (камінне, мічь и проч.). Это „новое" *ѣ* и возводится въ существенную примѣту галицко-волынскаго нарѣчія XII—XV вв. Наблюденіе это чрезвычайно важно для опредѣленія мѣста написанія неопредѣленныхъ недатированныхъ памятниковъ древне-русской письменности. Черта эта впервые рѣзко опредѣлила звуковыя особенности южнорусской письменности въ противоположность сѣверно-русской, характеризующейся съ давнихъ поръ (съ трудовъ Востокова) мѣной *ц* и *ч*. Въ разсматриваемомъ трудѣ г. Соболевскій не постарался однако опредѣлить точнѣе географическое распростране-

ніе этой звуковой особенности. Кромѣ т. н. галицко-волынскихъ памятниковъ, въ разсматриваемомъ трудѣ разобраны древніе памятники Псковскаго говора XIV вѣка (9 рукописей). Какъ и въ первомъ трудѣ, авторъ держится той же системы разсмотрѣнія памятниковъ путемъ ихъ описанія и затѣмъ свода и объясненія всѣхъ звуковыхъ и формальныхъ данныхъ въ связи съ славянскими нарѣчіями. Разбирая тщательно отдѣльныя явленія, авторъ выдѣляетъ описки писцовъ, графическія явленія, общеславянскія измѣненія, общерусскія и наконецъ діалектическія народныя русскія, современныя написанію рукописей. Съ этого труда проф. Соболевскій обратился къ изученію древнерусскихъ говоровъ по памятникамъ древнерусской письменности въ цѣломъ рядѣ статей, появившихся въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ (1884 г. Два древнихъ памятника галицко-волынскаго нарѣчія: Выголексинскій Сборникъ XII—XIII в. и Архивская Лѣствица XIII—XIV в.; 1886 г. Смоленско-Полоцкій говоръ въ XIII—XV вв.; 1888 г. Псковскій Трефолой 1446 г.), въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія (1885 г. Источники для знакомства съ древне-кіевскимъ говоромъ и др.), въ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ (1887 г. Новый трудъ г. Стасова, 1888 г. Лекціи по исторіи русскаго языка).

Мы должны остановиться съ особеннымъ вниманіемъ на извѣстномъ трудѣ проф. Соболевскаго, появившемся уже во второмъ изданіи, съ измѣненіями и дополненіями—на „Лекціяхъ по Исторіи Русскаго языка", 1891 г. Послѣ труда Колосова 1876 г. (Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка съ XI по XVI ст.), Лекціи Соболевскаго 1888—91 гг. впервые дали самостоятельный сводъ данныхъ по памятникамъ древнерусской письменности звуковыхъ и формальныхъ особенностей не только древнерусскаго языка вообще, но и главныхъ звуковыхъ особенностей древнерусскихъ говоровъ. Мы позволимъ себѣ здѣсь, не входя въ общую оцѣнку этого настольнаго труда, прослѣдить по 2-му изданію, по-страницамъ, прибавленія противъ 1-го изданія и сдѣлать нѣсколько критико-библіографическихъ замѣчаній. На стр. 4—5 прибавлено объ измѣненіяхъ звуковъ подъ вліяніемъ физіологическихъ и психологическихъ факторовъ. Въ обзорѣ источниковъ по вѣкамъ внесены новые памятники: XI в. Поученія Кирилла Іерусалимскаго; XII в. Стихирарь 1163 г., Учительное Евангеліе Константина Болгарскаго, Пантелеймоново Евангеліе, надписи на вещахъ (не отмѣчена Румянцевская Лѣствица XII в., на кото-

рую автор однако кое-гдѣ ссылается); XIII в. новгородскіе—Тріодь Савина до 1226 г., Прологъ 1262 г., Паремейникъ 1271 г., Пандекты Никона 1296 г., Житіе св. Саввы, Толстовскій Сборникъ; XIV в. сѣвернорусское Хлудовское или Никольское Евангеліе, московское Евангеліе 1339 г., новгородскій Тактиконъ 1397 г., галицко-волынское Путенское Евангеліе, Мстижское Евангеліе, молдавскіе акты. Всѣ эти новыя изученія автора внесены далѣе во 2-ое изданіе Лекцій, въ видѣ примѣровъ, выводовъ и т. п. На стр. 39 приведенъ примѣръ изъ библіи Скорины начала XVI в., по поводу котораго я позволю себѣ выразить несогласіе: „библія Скорины, говоритъ авторъ, однажды представляетъ на мѣстѣ *жч*,—букву *щ*: завищить песъ, Исходъ, 23. Сравни соврем. бѣлорусск. до*ж*чикъ, дощикъ". Здѣсь смѣшаны *жч* изъ жд=дј съ *щ* изъ *ск*: зави*шт*ати (см. Miklosich Lexicon)—hinnire доучипалъ жалостно завищавъ, вискъ, вискливъ конь—hinniens (по южнославян. пам.); viskati (Miklosich: Etymologisches Wörterbuch), nsl. viskati, b. viskam, kr. viskati, vìšćati, pastuh višči, p. wiskać, wiszczéć; очевидно тоже звуковое явленіе, что имѣемъ въ примѣрахъ „дъска-дъштица", „бльштати", и т. п. У насъ въ изслѣдованіи о Скоринѣ, на стр. 305 „завищить песъ, ср. Желеховскій: завищати", на стр. 275 отмѣчено постоянное употребленіе *жд*, а не *жч* въ словѣ дождь, какъ во многихъ и другихъ западнорусскихъ-бѣлорусскихъ памятникахъ XV—XVI вв. и ранѣе. Поэтому и на стр. 40 у автора лишній примѣръ изъ современ. малорусск. „вищяти". Замѣчательно, что во 2-мъ изд. Соболевскій выпустилъ (40 стр.=37 по 1-му изд.) примѣты южнорусскихъ рукописей „къде, вьсьде, сьде", противоположныя якобы сѣвернорусскимъ, западнорусскимъ или среднерусскимъ „къдѣ, вьсьдѣ, сьдѣ". Извѣстно, что въ наукѣ и до сихъ поръ еще ощупью намѣчаются и устраняются звуковыя и лексическія примѣты древнерусскихъ говоровъ, о чемъ еще скажемъ ниже. На стр. 50 прибавлено о появленіи *о* вм. глухого *ъ*. На стр. 154—155 приведено много новыхъ примѣровъ. Ниже мы разсмотримъ памятникъ южнорусской письменности XII в. Теперь же въ дополненіе къ новымъ фактамъ, вошедшимъ во 2-ое изд. Лекцій проф. Соболевскаго, прибавимъ нѣсколько наблюденій надъ различными памятниками, которыя, быть можетъ, пригодятся для желательнаго болѣе полнаго новаго изданія Лекцій по исторіи русскаго языка.

Сборникъ Троицко-Сергіевой лавры, № 12 (XII—XIII вв.): 53 л. въ коупили стѣи, 53 б. кде, 79 тълкоу*щ*омоу.

Златая Чепь Троицко-Сергіевой лавры № 11 (XIV в.): 99 б. ни головы было не вскланивати бьюче челомъ ни очью было ѡсушивати проливаюче, 100 б. легчае, (3 л.) робу, Сироховичь, творь, *е*зва.

Сборникъ Румянцевскаго Музея XV в., № 406. Изъ массы любопытныхъ особенностей правописанія и языка отмѣчу нѣкоторыя, предполагая подробнѣе остановиться на всемъ этомъ въ другомъ мѣстѣ: корѣнь 2,100 л., мѣчь 215, 226 б., пѣщь 178 б., вѣщь 62, оучѣніа 22 б, варѣніа 64 б, ларцѣвъ 194 б, четвероднев ѣнъ 181 б, на сѣмъ 8 б, 20 б, 44 б и т. д., съ нѣю 15 б, о сѣй 59 б, в чѣм 71, внѣм 119 б, идѣпи 193, да послѣть 113; мѣна *в* и *у* и въ предлогахъ, и въ сложныхъ словахъ, и въ коренныхъ словахъ очень часта; самы 8 б, 212, блоудывыми 216, слызы 25 б; коонца 74 б, в наробдѣ 194 б; 3 л. поставити 98 б, прѣтешети и, положити и 98 б; наимникъ 5, обличиніа 81, спасающ*ою* 186; метежь 148 б, прокленѣть 149 б, смирѣеть 119, клѣтва 220 б, сътворѣетсѧ 153 б, питѣютсѧ 124, оуклонѣемсѧ 184, похоулѣемоу 180, прѣжнѣго 59 б, ближнѣго 152 б и др., речи (неопр. накл.) 18 б. защичая 205 б; изъочрѣніе 31 б, вѣчеваа 177; бл҃гоюханіе 144 б, гнюсный 152 б, юхи 66; ево 87, василей 128 б, несми (1 л ед. ч.) 110 б; зова 57 б, познаймо 1, ѿпримосѧ 72 б, напитаймо 85; не похощи 121 б, не хоти 117 б. Замѣтимъ, что нѣкоторое разнообразіе въ языкѣ этой интересной рукописи объясняется списками съ южнорусскихъ и сѣвернорусскихъ сочиненій (напримѣръ, въ отдѣлѣ поученій): плотей, кораблій 257, кораблей 255; множество ж на листѣ 250 и меньшее количество или отсутствіе на другихъ; вѣньченосно 177 б; по *ста*памъ 54, тварца 68 б, адаву 196; интересно написаніе „выры“ съ поправкой первой буквы на *ѣ* 213 б, указывающее на выговоръ слова, что иногда встрѣчаемъ и въ другихъ рукописяхъ. Позволю себѣ привести здѣсь еще нѣсколько примѣровъ, взятыхъ случайно изъ надписей на русскихъ монетахъ по описаніямъ въ изданіяхъ: „Описаніе древнихъ русскихъ монетъ, Москва, 1834 г.“ и „Удѣльныя, великокняжескія и царскія деньги древней Руси собранія графа Э. К. Гуттенъ-Чапскаго. Спб. 1875 г.“. Такимъ матеріаломъ проф. Соболевскій совсѣмъ не пользовался. Вотъ нѣсколько примѣровъ: Москвя (XVII в.), Михяйло, Михяилъ, Вясилей Ивяновичь (XVII в.), Васильи XV в., Мітреі XIV в., (Кашинскій и Резаньскій), кнежа

Онрем XIV в., кназе,—ь,—я (XIV—XV вв. Москов.), княза (XV в. Резаньск.), Тварскі, Тфѣріски, Тферско, Твѣрискаа денига, Твѣрыскаа, Твіріская денига XV в., Городѣска, Городѣнь (Гродня, Gerodin у Герберштейна XV в.), Городенискаа деньга (XV в.), Новгородіскыи (начала XIV в.), всиа, всеа, всеа (XV в.). Вообще можно замѣтить, что надписями на вещественныхъ памятникахъ (иконахъ, шлемахъ и проч.) проф. Соболевскій воспользовался въ самой незначительной степени (по пути, указанному Срезневскимъ).

Книга проф. Соболевскаго вызвала обширный разборъ академика Ягича, подъ названіемъ „Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка" (Спб. 1889 г., 154 стр.). Мы остановимся только на существенномъ пунктѣ разногласій двухъ выдающихся представителей историческаго изученія славянорусскихъ памятниковъ: о т. н. галицко-волынскомъ типѣ древнерусскихъ памятниковъ письменности до XV в. включительно. „Только тамъ, говоритъ уважаемый славистъ (стр. 11), гдѣ рядомъ съ особеннымъ употребленіемъ буквы *ѣ* вмѣсто *е*, напоминающимъ случаи нынѣшняго малорусскаго *і* (изъ протяжнаго *е*), имѣются еще другія замѣчательныя особенности, какъ напримѣръ, замѣна начальнаго *въ* черезъ *у* и наоборотъ, замѣна сочетанія *жд* черезъ *жч*, переходъ окончанія *тъ* передъ *и* въ *ти*— въ этакомъ случаѣ нѣтъ повидимому причины сомнѣваться въ томъ, что тѣ памятники дѣйствительно принадлежатъ не только къ одной и той же группѣ, а также стояли подъ вліяніемъ одного и того же древнерусскаго нарѣчія... Но гдѣ нѣтъ всѣхъ вышеприведенныхъ примѣтъ, а есть только одно особенное употребленіе *ѣ* вм. *е* (какъ напр., въ Добриловомъ Евангеліи или въ Хутынскомъ служебникѣ), тамъ принадлежность памятника къ галицко-волынской области подлежитъ для меня ещё большому сомнѣнію". Далѣе Ягичъ выдѣляетъ „типъ кіевскій, т. е. южнорусскій восточный говоръ, соприкасавшійся кое въ чемъ уже съ центральнымъ великорусскимъ, къ которому здѣсь находился естественный переходъ". Изъ 15 рукописей, разсмотрѣнныхъ проф. Соболевскимъ, цѣлую треть Ягичъ относитъ къ этому кіевскому типу или восточному, южнорусскому вообще. Имѣя въ виду свой „Обзоръ южнорусскихъ и западнорусскихъ памятниковъ письменности отъ XI в. до XVII", который требуетъ теперь исправленій и дополненій, я позволю себѣ предложить по извѣстнымъ примѣтамъ слѣдующую группировку древнѣйшихъ памятниковъ южнорусскихъ. Я склоненъ примкнуть къ мнѣнію, недавно высказанному

г. Волковымъ, объ отношеніи Остромирова Евангелія къ памятникамъ южнорусской письменности, такъ какъ въ немъ нѣтъ мѣны *ч* и *ц*, есть нѣсколько случаевъ мѣны *в* и *у* (Гаурiилъ, рауви, см. Изслѣдованія по русскому языку, т. I, 1895 г., стр. 16) и, быть можетъ, имѣетъ значеніе выдержанное употребленіе *ѣ* послѣ *ж, ш, щ* (стр. 38—39), совпадающее съ такимъ же выдержаннымъ написаніемъ *ѣ* въ Румянцевской Лѣствицѣ XII в., характеристику которой предложимъ ниже. Далѣе, мы имѣемъ множество памятниковъ древнерусской письменности не галицко-волынскаго типа. Прослѣдимъ хотя общеизвѣстныя рукописи, отмѣчая типичныя черты. Изборникъ 1073 г.: *и=ѣ*—3 случая, *в=у*, *у=в*—6 случаевъ, чоловѣка, 3 л.—ти и (впервые выставлена эта черта южнорусской письменности акад. Шахматовымъ въ Archiv für slavische Philologie 1883 г., VII т., стр. 74: in den nordrussischen Denkmälern... begegnet diese Erscheinung entweder gar nicht oder äusserst selten—и приводятся примѣры: Жизнь Кондрата, Изборникъ 1073 г., Архангельское Евангеліе 1092 г., Добрилово Евангеліе 1164, Евангеліе 1144, Житіе Θеодосія Печерскаго XII в. и далѣе нѣкоторые памятники XIII—XIV вв.), 3 л. безъ—тъ (замѣтимъ, что во всемъ памятникѣ нѣтъ нигдѣ надстрочныхъ *т*, значитъ формы на л. 165 хоще, спсаѥ, погоуби и проч. не могутъ относиться только къ случаямъ опущенія надстрочнаго *т*), ахименыды 154, сюриисцѣи 153, и др.

Изборникъ 1076 г. („Къ исторіи древнерусскихъ говоровъ". В. Шимановскаго, 1887 г. Авторъ выступилъ противъ Соболевскаго и, согласно съ Житецкимъ, хотѣлъ доказать, что „ѣ, какъ отдѣльнаго звука, въ русскомъ языкѣ уже не существовало", и рядомъ фактовъ старался подорвать теорію о долготѣ ē=ѣ въ галицко-волынскихъ памятникахъ): 3 л.—ти и,—ты и (по Шимановскому, стр. 17), у=в и в=у (54), и=ы (милостини 48), интересно—шъ,—жъ,—щъ, се=сь, даже=дажь, и=ѣ (въ мироу).

Архангельское евангеліе 1092 г.: 3 л.—ти и (35 случаевъ),—мы и. [illegible].

Пандекты Антіоха: и=ѣ, у=в и в=у.

Туровское Евангеліе: и=ѣ.

Патерикъ Синайскій XI в.: у=в, в=у, скърбь.

Толстовская Псалтирь: болѣшеть.

XII вѣкъ. Мстиславово Евангеліе 1117 г.: 3 л.—ти и (4 случая),—ты и,—мы и (2 случая), былы; сѣи; въгодие.

Юрьевское Евангеліе 1118—1128 г.: 3 л.—ти и (3 случая), вѣгодьная, скьрьбь, сьде, боудѣть.

Добрилово Евангеліе 1164 г.: 3 л.—ти и,—ты и,—те=ть; ы=и (3 случая); у=в (рауви, доулѣеть); скербь; 2 л. множ. ч. изъявит. и повелит. накл.—ть.

Лѣствица XII в.: ы=и; и=ѣ, е; ѣ=и; в=у, у=в.

Слово Ипполита объ Антихристѣ: у=в; и=ѣ, е;—жо,—шо,—цо.

Типографское Евангеліе № 7: 3 л.—ти и,—ты и; у=в, уз.

Никольское Евангеліе или Хлудовское: ы=и (не оубыеши), жагома, ковьчогъ, жьрьцомъ.

Троицко-Сергіевъ сборникъ XII в. (см. выше): и=ѣ, е;—що.

Златоструй и Торжественникъ XII в.: у=в;—вы и,—ти и; и=ѣ.

Сборникъ Москов. Успенск. собора: 3 л.—ти и (часто); ѥ=ꙗ, ѧ; ки, ги.

XIII вѣкъ. Изборникъ Публичной б-ки Спб.: у=в; е, ѣ=ꙗ; и=ѣ; и=ы; ы=и; о=а;—шо.

Оршанское Евангеліе: и=ѣ, ы=и.

XIV вѣкъ. Кіевская псалтирь 1397 г.: обышодших, 2 л. множес. ч. и 1 л. множес. ч. ѣ=е, и=ѣ; е=ѣ; ъи=ы; ки, ги, хи; е=ꙗ.

Сборникъ Царскаго: ы=и;—щой; у=в, в=у; ѣ=ь, е.

Всѣ перечисленные памятники, число которыхъ можно бы значительно увеличить, относятся къ числу южнорусскихъ, такъ какъ не имѣютъ новгородской мѣны *ц* и *ч*, жг=жд. Однако они не имѣютъ жч=жд, ѣ=е, какъ галицко-волынскія рукописи. Назовемъ примѣты послѣднихъ хотя бы изъ трехъ памятниковъ: Галицкое Евангеліе 1144 г. жч=жд, у=в, в=у, 3 л.—ти и,—мы и; Апостолъ Христинопольскій жч=жд, у=в, в=у, 3 л.—ти и; Житіе Саввы жч=жд, у=в, в=у, 3 л.—ти и,—лы и,—вы и,—жо, ѣ=е.

Послѣ „Лекцій“ Соболевскаго явились „Лекціи по исторической грамматикѣ русскаго языка“ проф. Р. Ѳ. Брандта (М. 1892 г.). Пока явился выпускъ I, обнимающій фонетику, и ожидается продолженіе этого труда. Самъ авторъ въ предисловіи опредѣляетъ предметъ своихъ университетскихъ лекцій: „освѣщеніе литературнаго русскаго языка діалектологіей и исторіей, а также сравненіемъ съ ближайшими (иногда и съ болѣе дальними) родичами“.

Историческое изученіе русскаго языка, уступающее въ послѣднее время діалектологіи, имѣетъ еще одного представителя въ лицѣ акад. А. А. Шахматова. Его первая работа „Beiträge zur russischen

Grammatik" (Archiv für Slavische Philologie. VII т., 1884 г.), написанная по поводу труда Соболевскаго „Изслѣдованія въ области русской грамматики", представляетъ уже стремленіе отдавать себѣ отчетъ въ каждомъ звуковомъ и формальномъ явленіи, къ тонкой разборчивости, исключающей огульныя сужденія. Давая нѣкоторыя новыя объясненія отдѣльнымъ фактамъ, г. Шахматовъ прибавилъ и нѣкоторыя новыя примѣты для характеристики древнерусскихъ говоровъ(—ти и 3 л. ед. и множ. ч.). Вторая работа г. Шахматова „Изслѣдованіе о языкѣ новгородскихъ грамотъ XIII и XIV вѣка" (Спб. 1886 г.) даетъ точное филологическое изданіе древнихъ новгородскихъ грамотъ, подъ 20 №№ и всестороннее обслѣдованіе ихъ письма и языка. Авторъ старается не упустить ни одной черты, характеризующей графику и лингвистическую сторону грамотъ. Онъ обращаетъ вниманіе на надстрочные знаки и т. п. съ цѣлью установить школы письма, ихъ традиціонные пріемы. Изъ звуковыхъ особенностей авторъ отмѣчаетъ отличія ѣ и е, причемъ исходитъ изъ представленія объ ѣ=ie, отмѣчаетъ начертаніе ѣ=je; далѣе указываетъ неслоговое у=в въ нѣкоторыхъ новгородскихъ говорахъ, г=h (въ изображеніи г=х или въ пропускѣ: осподарь, осподь и т. п.); объясняетъ аналогіей формальныя особенности въ противоположность предшествующимъ изслѣдователямъ, объяснявшимъ почти всѣ отклоненія формъ отъ старославянскихъ—звуковыми переходами. Въ дополненіи къ изслѣдованію г. Шахматовъ подробно касается вопроса о различіи звуковъ *ѣ* и *е* въ древнерусскомъ языкѣ до XV в., когда они могли совпасть и когда получило сильное развитіе измѣненіе *е* въ *о*. Согласно съ Потебней авторъ признаетъ въ древнерусскомъ *ѣ* тотъ же характеръ дифтонга, какой характеризуетъ и малорусскіе говоры: ье, ьи, ie; между тѣмъ какъ въ старославянскихъ памятникахъ ѣ=е, что и подало поводъ къ ихъ смѣшенію въ памятникахъ церковнославянской письменности. Графическое употребленіе *ѣ* въ русской письменности авторъ сопоставляетъ съ начертаніями глухихъ *ъ* и *ь* въ положеніи чистыхъ *о* и *е*. Въ ряду работъ, посвященныхъ исторіи русскаго языка (я не говорю здѣсь о бѣлорусскомъ нарѣчіи, ссылаясь на свой предшествующій критико-библіографическій обзоръ трудовъ по бѣлорусскому нарѣчію за послѣдніе десять лѣтъ въ Кіевскихъ Университ. Изв. 1898 г.), отмѣчу еще нѣсколько описаній древнихъ памятниковъ. Г. Шимановскій въ „Очеркахъ по исторіи русскихъ нарѣчій въ XVI—XVII ст.", 1893 г., сдѣлалъ обзоръ звуковыхъ и

формальныхъ особенностей нѣсколькихъ старопечатныхъ и другихъ памятниковъ южнорусскаго нарѣчія. Г. Тихвинскій описалъ въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ 1893—94 гг. „Ярославскій списокъ Пандектъ Никона Черногорца XII—XIII в.“ Г. Никольскій описалъ русское Евангеліе XIV вѣка въ Русскомъ Филологич. Вѣстн. 1894 г. Г. Каринскій описалъ Погодинскій Апостолъ 1391 г. (Русскій Филологич. Вѣстникъ 1896 д. №№ 3 и 4). Приведемъ изъ двухъ послѣднихъ статей интересныя данныя. Рукопись Пандектъ писана 4-мя почерками. Въ первомъ почеркѣ находимъ слѣдующія особенности: съвѣдитель, смѣшеніе *щ* и *ч*, *ѣ* и *е*, 3 л. може, соу. Во второмъ почеркѣ встрѣчаются частыя замѣны *ъ* черезъ *е*, особенно при *р*, хочеть, мога. Въ третьемъ почеркѣ замѣны касаются еще *ъ* черезъ *о* (домъхо, преступихъмо, есомъ) при замѣнѣ *ъ* черезъ *е* (ноще, предаже, весего); при этомъ и глухіе ъ, ь употребляются вмѣсто о, е, ѣ (въла, навьде, по силь своеи). Въ четвертомъ почеркѣ замѣны глухихъ встрѣчаются рѣже; чаще смѣшиваются *ѣ* и *е*. Вся рукопись характеризуется новгородской смѣной *ч* и *щ*, но не имѣетъ жг=жд, и=ѣ. Въ текстахъ, напечатанныхъ у Срезневскаго (Свѣдѣнія и замѣтки), указано 138 ошибокъ. Русское Евангеліе XIV вѣка изъ собранія Верковича, описанное г. Никольскимъ, носитъ всѣ признаки т. н. галицко-волынской рецензіи. Погодинскій апостолъ 1391 г., имѣющій небольшое количество новгородскихъ примѣтъ, указываетъ только на особенную устойчивость церковнославянскихъ формъ въ апостольскихъ текстахъ.

Житіе св. Саввы Освященнаго XIII в., изданное проф. И. В. Помяловскимъ, всесторонне изслѣдовано проф. Колессой въ Архивѣ Ягича: „Dialectologische Merkmale des Südrussischen Denkmals Žitije sv. Savy“ (1896 г. XVIII т. Archiv für Slavische Philologie). Авторъ не только дѣлаетъ подробное описаніе фонетики и морфологіи памятника, но и сопоставляетъ его съ другими подобными, входя въ подробности вопроса о древности южнорусскаго нарѣчія, о его раздѣленіи на западное (галицко-волынское) и восточное (кіевское) и объ особенномъ значеніи такого памятника, какъ Житіе св. Саввы. Такъ какъ мы имѣемъ въ виду ниже разсмотрѣть подробно также южнорусскій памятникъ XII вѣка, то пока и не будемъ входить въ подробности критико-библіографическаго очерка г. Колессы. Ранѣе этого очерка житіе св. Саввы было разсмотрѣно проф. Мочульскимъ, подъ заглавіемъ: „Къ исторіи малорусскаго нарѣчія“ (Одесса, 1894 г.).

Въ послѣднее время все ощутительнѣе становится потребность въ самомъ внимательномъ изученіи живыхъ говоровъ русскихъ нарѣчій. Теперь уже не удовлетворяютъ изслѣдователей русскаго языка прежнія изданія русской народной словесности, особенно пѣсенъ. Въ настоящее время требуются записи—болѣе или менѣе точныя въ фонетическомъ отношеніи—отдѣльныхъ словъ, фразъ, обыденнаго народнаго разговора. Сводъ почти всего предшествующаго матеріала даетъ „Опытъ русской діалектологіи“ проф. А. И. Соболевскаго. Авторъ указываетъ въ предисловіи значеніе русской діалектологіи для занимающихся исторіей русскаго языка, для изучающихъ древніе памятники нашей письменности въ широкомъ смыслѣ слова, т. е., для юристовъ, историковъ и филологовъ. Скромное значеніе своего цѣннаго труда проф. Соболевскій опредѣляетъ въ слѣдующихъ словахъ: „наша задача—указать главныя особенности русскихъ говоровъ въ звукахъ и формахъ, на основаніи почти исключительно печатнаго матеріала. Послѣдній такъ скуденъ и отрывоченъ, а часто и старъ, что нашъ очеркъ русской діалектологіи не имѣетъ притязанія на полноту ни въ какихъ отношеніяхъ“ (см. изд. 1897 г. вып. I. Нарѣчія великорусское и бѣлорусское). „Опытъ“ проф. Соболевскаго даетъ перечетъ звуковыхъ и отчасти формальныхъ явленій по отдѣльнымъ говорамъ съ указаніемъ литературы предмета—нерѣдко по губернскимъ вѣдомостямъ и земскимъ изданіямъ. Не въ такой степени, конечно, авторъ могъ пользоваться литературой по малорусскому нарѣчію. Не будемъ ставить въ упрекъ автору, что онъ не выбиралъ изъ своихъ пособій всѣхъ фактовъ, ограничиваясь существенными чертами. Во всякомъ случаѣ „Опытъ русской діалектологіи“ вызвалъ тѣ предпріятія Императорской Академіи Наукъ, которыя осуществляетъ акад. Шахматовъ въ „Извѣстіяхъ Отдѣленія Руссскаго языка и Словесности Академіи Наукъ“ и частныя лица въ статьяхъ Русскаго Филологическаго Вѣстника.

Въ „Извѣстіяхъ Отдѣленія Русскаго языка и Словесности Императорской Академіи Наукъ“ 1897 г. (т. II, кн. IV) акад. Шахматовъ посвятилъ интересную статью „Опыту русской діалектологіи“ А. И. Соболевскаго, въ которой обобщилъ свои взгляды на исторію русскихъ нарѣчій и сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній о методѣ изслѣдованія діалектологіи. „Московскій говоръ (относящійся къ южновеликорусскому нарѣчію, тожественный съ литературнымъ или общерусскимъ языкомъ) я считаю говоромъ смѣшаннымъ, такъ какъ въ

немъ переплелись черты сѣверновеликорусскаго и южновеликобѣлорусскаго вокализма: ср. аканье и рядомъ съ этимъ *г* не *h*, *т* твердое въ окончаніяхъ 3 л. ед. и мн. ч.". Такой взглядъ высказанъ и въ двухъ замѣчательныхъ работахъ по южновеликорусской діалектологіи проф. Будде („Къ діалектологіи великорусскихъ нарѣчій" въ Русск. Филол. Вѣстн. 1892 г. и отдѣльно, и „Къ исторіи великорусскихъ говоровъ" 1896 г.), который высказался за смѣшанное происхожденіе рязанскихъ говоровъ. Справедливо замѣчаетъ акад. Шахматовъ объ „Опытѣ" А. И. Соболевскаго: „авторъ недостаточно пользуется тѣми данными, которыя можно извлечь изъ изслѣдованныхъ имъ печатныхъ источниковъ" (по крайней мѣрѣ, я могу сказать то же, сравнивая извѣстный трудъ Колосова съ трудомъ Соболевскаго).

Цѣнныя „Изслѣдованія въ области русской фонетики" (1893 г.) г. Шахматова вызвали двѣ замѣтки въ харьковскихъ „Запискахъ Университета" 1894 г. и въ „Живой Старинѣ" 1895 г. проф. Ляпунова. Замѣтки эти, кромѣ критическаго разбора труда акад. Шахматова, содержатъ еще полезныя разъясненія строго-научной и потому не всегда доступной неподготовленному читателю работы. Желательно, чтобы талантливый авторъ далъ намъ такое же соединеніе своихъ общихъ взглядовъ съ изслѣдованіемъ частныхъ явленій изъ области русскаго языка, какое представилъ, напримѣръ, проф. Богородицкій въ начатомъ „Курсѣ русской грамматики", остановившемся, къ сожалѣнію, на самомъ началѣ труда. Мы не можемъ не высказаться противъ математическаго способа выраженія, принятаго нашими выдающимися филологами, въ формѣ обобщенныхъ формулъ, аксіомъ, и т. п. Уже достаточно указать, что и болѣе или менѣе подготовленный читатель долженъ употребить много времени на обдумываніе прочитаннаго въ видѣ сжатыхъ общихъ положеній, намековъ, безъ соотвѣтствующихъ примѣровъ. Не проще ли было бы облегчить трудъ читателя пространнымъ изложеніемъ, хотя бы и въ большой книгѣ? Не разбирая появившихся въ послѣднее время многочисленныхъ матеріаловъ по русской діалектологіи, критическихъ замѣтокъ по исторіи русскаго языка (напримѣръ, проф. Волкова „Къ исторіи русскаго языка" въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. 1894 г. № 1, написанной по поводу извѣстнаго труда проф. Брандта „Лекціи по исторической грамматикѣ русскаго языка" 1892 г.), отмѣтимъ значительные успѣхи въ разработкѣ русскаго языка съ точки зрѣнія—

исторической и діалектологической,—достигнутые въ теченіе 80-хъ и 90-хъ годовъ.

Если все это въ чьемъ либо сводѣ получитъ общедоступную форму, то мы обогатимся такимъ же капитальнымъ трудомъ, какой предпринялъ нѣмецкій германистъ 50 лѣтъ тому назадъ, и что только предчувствовалъ и вызывалъ своими „Мыслями объ исторіи русскаго языка“ покойный академикъ Срезневскій.

II.

Румянцевская Лѣствица XII вѣка, № 198.

Описаніе рукописи у Востокова въ „Описаніи русскихъ и словенскихъ рукописей Румянцевскаго Музеума“ (Спб. 1842 г., стр. 253—255), которое мы не будемъ повторять, имѣя въ виду исключительно языкъ и письмо этого древняго памятника. Выдержки изъ рукописи, сравнительно съ греческимъ текстомъ, напечатаны у Амфилохія—„Палеографическое описаніе греческихъ рукописей IX и X вѣка“, т. I (Москва, 1879 г.), стр. 31—37, 66—71. Ссылки на языкъ памятника встрѣчаются въ Лекціяхъ по исторіи русскаго языка А. И. Соболевскаго.

Остановимся прежде всего на палеографической сторонѣ Лѣствицы. Рукопись писана на пергаменѣ, въ два столбца, крупнымъ уставомъ первой половины XII вѣка (мельче съ л. 178 б—другой рукой), съ киноварными заглавіями и большими буквами, на 218 листахъ (послѣдній листъ исписанъ мелкими приписками, разобранными Востоковымъ). Стиль небольшой заставки заглавнаго листа и большихъ буквъ—византійскій. Подъ заставкой читаемъ заглавіе рукописи: „ + климаксъ сирѣчь лѣствица бж҃ьствьнаагo въсхода имющи степень л҃. житие преподобьнаагo ѿц҃а иѡана игомена стыѩ горы синаискыѩ нарицаемаагo схаласика сющаагo въ свѧтыихъ по истинѣ. госпoди бл҃гослови ѡ҃е“.

Изъ начертаній прежде всего замѣчательно въ концѣ строкъ *у* въ видѣ υ, кромѣ котораго пишется ȣ и чаще *оу*.

ѡ всегда имѣетъ начертаніе въ видѣ трехъ одинаковой высоты черточекъ; но уже крайне рѣдко встрѣчается полное написаніе пред-

лога *отъ*, изображаемаго ѿ и изрѣдка ō. Двойное *оо* встрѣтилось въ словѣ „оокоу" 6.

Юсы встрѣчаются изрѣдка и йотированные и простые—правильно и по русски вмѣсто *у, ю, ꙗ*: бѫдет 148, сѫщоу 195 б, добровѫтробие 147, боуюѭ 146, обыкнѫти 152 б, сѫпротивь 173 б, вечерьнюѭ 203, ѫтробоу 93, оутробѫ 93, посрѣдьнюѭ 196 б; ѫбо 31,192, живоуѫмоу 198 б, поѫвьрзение 116, ѫскоусьнъ 192, ѫправивъшемъ 107 б, ѫмьръ 100, доѫтра 54 б, ѫкорѣхъ 32 б, ѫби 215, ѫвѣдѣхъ 214 б, къ ѫчителю 132 б—133 и др.; доблꙗꙗ 160 б, ꙗзѫ 112 б, градѧахоу 113 б, грѧсти 16 б, 19, 24, и др.

е изображается через є, ѥ, є (широкое чаще въ концѣ строкъ), є́.

и, ѥ, ю, ꙗ имѣютъ всегда соединительныя черточки посрединѣ.

ъı однажды написано ы л. 55 об. и разъ исправлено.

Подъ титломъ, въ видѣ тонкой перегнутой линіи, находимъ слѣдующія буквы: о, с, ч, п, ш, л, д, а, ж, н, т, ѣ, х, р, щ, ъ, в, г, з, ю, ѧ, мь, къ; то̑=того.

Изъ надстрочныхъ знаковъ смягченіе въ видѣ т. е. перевернутаго просодическаго знака краткости чаще всего стоитъ надъ *н* и *л* передъ узконёбными гласными, даже передъ ѥ. Точка сверху гласныхъ слого-отдѣляющихъ или йотированныхъ не всегда соблюдена, двоеточіе ставится надъ оу, а двѣ черточки надъ і. Однажды встрѣчается даже древнѣйшее обозначеніе мягкости *л*, въ родѣ Изборника 1073 г. и др., съ приписной черточкой сверху *л* съ права льгуле 211 б.

Лигатуры въ концѣ строкъ пишутся часто изъ буквъ: *а* и *у*, тв, ть, гу, и проч.

Встрѣчаются поправки *о* на *ъ*: напълнꙗющо (исправлено на ъ) 152 б, и др.

Не говоримъ о древнихъ начертаніяхъ ч чашей, ѣ въ строкѣ, з—Остромировскаго, или типа Изборника 1073 г. и др.

Изъ ошибокъ чаще встрѣчаются повторенія слоговъ: въпададають 173;—ниенье, ѿвьзри ѿвьрзи 56 б, ѥдоноꙗ 81 б (2 раза), *св*овесь 112 б, и т. п.

Переходимъ къ употребленію буквъ и отношенію ихъ къ звукамъ.

Глухіе *ъ* и *ь* встрѣчаются часто. Рѣже всего видимъ старославянское употребленіе *ъ* и *ь* при плавныхъ *р, л*, замѣняемое русскимъ выговоромъ, выдержаннымъ въ Лѣствицѣ. Вотъ нѣсколько случаевъ

перваго рода: ѿврьжение 182 б, чръвие 83 б, чрьвь 82 б, смрьчъ 146, смрьчевъ 146, грътани 56 б, трьпѣливы 211 б и др.

Пропуски ъ, ь чаще въ окончаніяхъ возвратныхъ глаголовъ, нерѣдко отмѣчены паеркомъ. Пропуски ъ, ь въ концѣ строкъ немногочисленны; также почти немногочисленны и пропуски ихъ въ срединѣ словъ (особенно въ падежныхъ окончаніяхъ мѣстоименій) имже 159, 161, онихже 161, тѣмже 136, любве 191, разоумже 191 б, всѣмъ (нерѣдко), сде 196 б, зла 197 б, всь (нерѣдко), кто (часто), самже 207, разлоучаютсѧ 197 б и т. п.

Нельзя не обратить вниманія на множество словъ, въ которыхъ нѣтъ чистыхъ гласныхъ, замѣняемыхъ правильно по церковно-славянски ъ, ь: въпльмь 54 б, слнцьмь 131, срцьмь 64 б, скърбьмь 111, тънъкъмь 106 б, скърбнъмь 58 б, въ чьстьхъ 131, вълчьць 120, обьлъ 78, пълнъ 75 б, дългъ 50, кръвь 84, мьчьть 117 б, зълчъ 94, грьзнь 135, вьскъ 45, съмьрть 64 б, скърбьнъ 66 б, 69, сльзъ 55, сьрдцьмь 55, дългъ 56 б, шьдъ 50 б, вьпль 57, вьсь 57, 61 б, кършьнь 58, льстьць 120 б, чърньць 66, пьсь 69 б, сътъ 73 б, вьрхъ 74, вълкъ 75 б, зьль 76 б (зьлемъ=золъ зъли 82 б), чърнилъмь 79, бръвь 80, вълнъ 81, зьрнобьрьць 86, зълъ 87 б, дврь 94 б, тънъкъмь 106 б, тльньно 109, съжъмъ 125 б, въпль 127 б, възьмь съвлкъ 140 б, съ львъмь 173.

Что глухіе ъ, ь имѣли гласное произношеніе въ началѣ XII в., можно видѣть не только изъ приводимыхъ фактовъ (напр., см. ниже глухіе вм. гласныхъ и гласные вм. глухихъ), но и изъ слѣдующихъ: помыслимъ 128 б (здѣсь ы=ъ, о), бывышї 73 б, горо(исправлено припиской сверху дополнительнаго начертанія для ъ)кыѩ 60, въ сьсмьрти 65, по(исправлено припиской сверху черточки на ь)рвое 85 б, со(исправлено ъ)мыслъ 94; въньгда 94, оустьрмлѥние 99, оустьрмлтсѧ 210.

Всѣ окончанія строкъ, искючая немногихъ (събор 14, чл (члвѣцѣхъ) 14, 35, 58, прп 35, прпб 39 б, погыб 42 б, плът 45 б, против 46 б) имѣютъ гласныя буквы, или глухія ъ, ь. Согласныя окончанія являются изрѣдка вслѣдствіе русскаго выговора ъ, ь при плавныхъ: търпить 109 б, ѿвь-рже 110 б, въ ць-ркъве 115, кър-митель 114, мьртвыхъ 117, къ-рмлю 92, ѿть-ргноути 93, жъ-рцѧ 94 б, въл-ны 95, пь-рвыѩ 136, оутвь-ржаетсѧ 136, напьр-выи 62, чър-ньчскоумоу 65, пъ-лнъ 75 б, дъ-лго 79, и проч. Очень мало такихъ отступленій, какъ: съврь-шении 189 б и проч.

Механическая постановка ъ и ь въ концѣ строкъ: мнѡжъ-на 186 б, мъ-нѡжна 186 б, мъ-нѡго 50, мъ-нѡжъство 55 б, оусть-рмлѥние 80.

Лишнее ъ: о подъꙗтии 212, въоставъ 190, полъоучъшихъ 192 б, безъоуставьныꙗ 201 б, объѥмлѥть 198, изъобрѣтаемо 71, съдравъуи 80 б, чоужахъуса 80 б, възъоупрашающе 154.

Послѣ согласныхъ ж, ч, ш, щ всегда, безъ исключенія, употребляется ъ (точно такъ же, какъ въ Остромировомъ Евангеліи 1056—1057 гг. и спорадически въ другихъ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ): жъ-ртвы 32 б, чъ-то 58 б, качъ-ства 52, слово-дьржъць 124 б, дошъдъ 3 б, помощъ 10, мощънъ 2 и проч. Ср. дшы 103.

ъ вмѣсто ь рѣдко: чръвие 83 б, естъ 21 б (2 раза). Послѣ другихъ согласныхъ изрѣдка ъ: мыслъ 135, оудолъ 137.

ь вмѣсто ъ чаще: скьрбь 4, 7 б, скьрбѣнии 34 б, скьрбь-нъмь 58 б, скь-рбѣниꙗ 55, скьрби 190; вьскъ 45, грьзнь 136 (163 б грознь), довьлнѣ 181 б, довьлна 161, любьвью 8 б, пьваи 194, любьвьнаго 196, кроть-къ 135, книгахь 149 б, безь 202, блгь 202 б, въ сьнѣ 161 б (вообще находимъ „сънъ“ часто), сьдьргноуша 118 б.

Глухіе ъ, ь на мѣстѣ гласныхъ: соупротивътсꙗ 19 б, 181 б, ѿ окъврѣдиꙗ 150—150 б, любы творьть 197, какъ 213, бльзь 3, трьстлѣпнаꙗ 10, трьостьньныи 181 б, въ немощъхъ 151, врачьхъ 203 б, любъвию 178 б.

Гласные на мѣстѣ ъ, ь: ѿ мирискыхъ 15, чреплюще 151 б, чреплющюмоу 173 б, доброчистивѣ 7 б, сипить 70, вышiшии 196, прѣдистоꙗщаго 207, искусеныи 46, обычено 217 б, оусредѣ 65 б (προθύμως, alacriter=оусрьдьнѣ, оусрьдъ, оусрьди, оусьрда Изб. 1073), гратаньныꙗ 24 б.

Полногласныя формы ограничиваются нѣсколькими случаями: не берегома 49, жерельнии 74 б. сьребро 46 б, измьремы 11. Здѣсь же отмѣтимъ рѣдкіе случаи: развьрьгъши 59 б, пьрьси 107, вълъхво 110 б, ѿтьрьгнеть 40 б, дълѣзѣ 49 б.

ѣ, е, ѥ: ѣ замѣчательно выдержано во всей рукописи, исключая отступленій (и то не всегда) въ сочетаніяхъ согласныхъ съ плавными *р, л*, послѣ которыхъ ставится *е*.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ употребленія ѣ: нѣкого, нѣкоеꙗ 12, нѣ на что 16, нѣ отъ коихъ 19 б; нѣсть, лѣпѣѥ 52, мосѣа 9, брѣмꙗ 8 б, грѣховное, крѣпъ, крѣпцѣ, дѣло, сѣмꙗ, рѣчь, гнѣздо, тѣло (но: телесы, телесе 15 б, 16), бѣсѣда и бесѣда; прѣдъ, прѣ—и

рядомъ предъ, пре—; чресъ, къде, кде, сьде, вьсьде, всьде (всегда). Изрѣдка находимъ: ко жене 184 б, съмерение 5 б.

ѥ встрѣчается на каждой страницѣ рукописи; рядомъ съ нимъ, какъ я уже замѣтилъ выше, употребляется ѐ, є (широкое). Замѣчательно написаніе съ ѥ слѣдующихъ словъ: хранителѥ 57, правителѥ 145 б, подателѥ 164 б, дѣлателѥ 165 б; оучителѥвомъ 43 б, оучителѥвами 49, ръвьнителѥмъ 33 б, раслаблѥниѩ 12 б, оставлѥниѩ 27, 39, оуправлѥниѥ 27 б, 44, бл҃говолѥниѩ 40, оуплѥние ѥмоу 40 б, ѩвлѥна 27, не въ соблѥное 21 б, томлѥниѩ 43, посоуплѥнъ 45, пріѥмлѥши 52 б, землѥдѣльникъ 51, приемлѥть 32. Также часто ставится ѥ послѣ *н*: поклонѥниѩ 2 б, обранѥниѩ 12 б, поклонѥнии 35 б, хранѥниемь 43 б, 44, окаменѥние 45, натрижнѥние 41, премѣнѥние г҃нѥ 53 б; оутрьнѥе 47, къ нѥмоу 25 б, 44 б, 38, беж нѥго 25, 32 б, 37 б, о нѥмь 38, къ нѥи 2 б, нанѥже 50 б, донѥли 51, оунѥ 36, донѥлѣже 9 б, 26 б, върховьнѥе 3, соужитѥль 131 б, съгнѥтоша, изг҃нѥтеноу 65 б (также въ Остромир. Ев., nsl. gnjetati), мьнѥ 95 б, 110; не такъ послѣдовательно проводится употребленіе ѥ послѣ гласныхъ: расоуженіѥ 18, вещъноѥ 47, съвршеноѥ 41, коѥ 30 б; третиѥ 32, пребываѥть 40 б, приѐмлѥть 32, надѣѥтсѧ 42 б, оставлѧѥть 46, сътварѧѥть 46, съмащрѧѥть 49, събратиѥю 49 б, своѥго 8, търпѣниѥмь 41, исцѣлѣниѥмь 43, трезвениѥмь 44; оскьрблѧѥмъ 49 б, оброуговаѥмъ 36 б, разарѧѥмы 36 б; въ окончаніяхъ: начастѥ ѥдиноу 24, и проч. Послѣ р, ш, щ, ж никогда ѥ не встрѣчается.

ѣ иногда замѣняетъ *и*: въ велѣцѣи 139 б, прѣемлѥть 181 (приѥмлеть 181 б) прѣвѣваниѩ 181 б, оумножѣша 166 б, съмѣрихъсѧ 185 б, прѣнитисѧ 155.

ѿ погребѥ(ѥ исправлено изъ *и*)ниѩ 174.

Чаще *и* стоитъ на мѣстѣ *ѣ*: прітварѧемы 191 б, прибываѧ 64, 77 б, приобиди мі 93, где пивание 56 б, расмотривъ 1 б, поустіиши 51, процвитати 135, смотривъше 73, при- (исправлено на „прѥстоѧщемъ“) 115.

Южнорусское происхожденіе разсматриваемой рукописи, при полномъ отсутствіи мѣны *ц* и *ч*, жг=жд, уже видно изъ предыдущихъ примѣровъ, которые подтвердятся еще послѣдующими звуковыми явленіями. Теперь же я остановлюсь на множествѣ замѣчательныхъ формъ на-ѩние, —ание вмѣсто ожидаемыхъ—ѣние. Если мы вспомнимъ особенности волынско-украинскаго говора съ его твер-

дыми ж, ш, щ и причастіями на—анний (печанний, варанний, ношанний и проч.), то, кажется, нашъ памятникъ писанъ въ предѣлахъ волынскихъ, но безъ галицкихъ особенностей, если не считать—ѭние за выраженіе того звука, который передавался во множествѣ т. н. галицко-волынскихъ памятниковъ черезъ—ѣние,-ѣль,-ѣ. Былъ ли это звукъ среднiй между *а* и *о* съ наклоненіемъ къ *е*, оставляю этотъ вопросъ открытымъ. Памятники XI в. (Изборникъ 1073 г. и др.) представляютъ много такихъ примѣровъ. Приведемъ всѣ примѣры, относящіеся къ разсматриваемому явленію: раслаблѭние 89 б, раслабѧнию 179, исцѣлѭниꙗ 210 б, ѫмышлѭние 99, примышлѭниꙗ 132, размышлѭние 88, помышлѭние 64 б, 66 б, съкоуплѭниѥ 105 б, промышлѭниихъ 106 (но: давение 213); плѣнѭнию 86 б, 191, наплѣнѭниѧ 183, премѣнѭние 8, поклонѭние 30 б, прекланѭние 108 (но: натрижнѥние 41 и др.); възвращаниѥ 86 б, съкроушаниѥ 127 б, 146 б, 191 б, о запрѣщаниихъ 209, оутѣшаниа 207, съгрѣшаниꙗ 24 б, 209 б, прѣсыщаниꙗ 191, възвѣщание 187, ѿвѣщаваниꙗ 184, искоушанъ 33 б, съгрѣшании 39, 52 б, 53, 124 б, прельщаниꙗ 16; охоужданиѥ 146 б, 180 б, разсоуждание 147, 180, чадоражании 112, протѧосоужание 68, 85, съближаниꙗ 105 б, приближание 14 б, протѧжаныꙗ 114 б (но: подражение 131, възлежении 126); пороучании 209, ожесточаниꙗ 9, обучание 29 б, 51, пооучанию 36 б, 64, 67 б, обличании 38 б, 39, 124 б, исчазаеть 198 б; нирaниа 207 б, оухыщраниѧ 186 б, 14, 54, 99, обьꙗданиꙗ 87, оукарѧнии 32, 51, 54 б, 60, 77 б, опасание 28 б (но: съмощрение 156), пооувьрзание 67, отьмьнѭвати 108 б. Ср. статью г. Крымскаго въ Кіевской Старинѣ 1899 г. 1 кн. Въ словѣ „нынѣ“ находимъ чаще „ныниꙗ“, „нынѭшнѭго“ 179 б и др.; ѩздѧща 127 б.

Немногіе примѣры на измѣненія гласныхъ *е*, и, ѧ представляютъ слѣдующіе случаи: хотеще 54, въheader възематисѧ 126, приемати 117 б (примна 136 б); власт*и*линъ 182, издра*и*литомъ 215 б, неизгл҇*и*мыхъ 217 (ср. въ гл҇ѥмѣмь 66).

Нѣсколько примѣровъ указываютъ на ы=и и обратно: самы 66 б, 148 б (вин. множ. ч.), сътворилы (3 л. множ. ч.) 145, ширыниꙗ 19, 17 б, 195 б; въ ширыни 19, въ ширынѣ 17 б, обрысовати 214 (впрочемъ, *р* вообще твердое: мороу 17 б, борущимсѧ 161, прехыщряеть 29 б, оухыщраниѧ 186 б, нираниꙗ 207 б, монастира 213 б, ѿбрысаꙗ 211; нѣкоторые изъ этихъ случаевъ, напоминая сербизмы, могутъ относиться къ древнимъ западнославянскимъ говорамъ церковно-славянскаго

языка); бездьни 202. хлѣби 185, злоби (часто), надежди 81, 187, труди 122 б, разоуми 127, ширину 146.

Отчасти мягкость согласныхъ, отчасти измѣненіе гласныхъ, или передачу ѭ, представляютъ слѣдующіе нерѣдкіе примѣры: ближнюмоу, чреплющюмоу 173 б, пьсю 193, въсадника, въсадникоу 128, доблюмоу 20 б, раздрюшати 209 б, раздрюшение 187, расюжении, расюдьнѣмь 158 б, юто 167, третьюмоу 112, 154 б, имющи 1, сють 178 б, сющаарго 1, будють 179, пронырюѥть 150 б. Востоковъ высказалъ предположеніе (Описаніе 1842 г., стр. 254), что писецъ нашей рукописи „смѣшивалъ произношеніе буквъ ж и ю, ибо пишетъ: имющи, сющаго, и проч., нашедъ, вѣроятно, въ оригиналѣ своемъ: имѫщи, сѫщааго, по болгарскому древнему правописанію“. Однако въ словѣ Ипполита XII в. находимъ „сють“, въ Богословіи Дамаскина XII в. „сюпротивь“.—Форма „гоулѫбь“ 79=голубь скорѣе всего относится къ числу описокъ. Нерѣдко встрѣчается винит. пад. женск. рода отъ мѣстоименія тъ, та въ видѣ „тю“=тѫ 104 б, „тю прозвати“; пристопльше 115=ж.

Подъ вліяніемъ древняго южнославянскаго оригинала въ Лѣствицѣ часто встрѣчаемъ написанія безъ йота: отьмнѣать 145 (какъ въ Маріинскомъ Евангеліи), подобаа 86 б, окаанѣи 175, окааныихъ 145; сѣание 156, подааніѥ 184, бывааше 66, имѣаста 165, съдравиа 138; оусердиа 46, доброслоутиа 135, начаание 60.

Нерѣдки измѣненія окончаній—іе,—ія въ—ье,—ья и коренныхъ=ія въ—ья: пошъстьѧ 96, празднословье 56, безгнѣвье 68, бьѧхоу 55, бечъстьѩ 62.

Послѣ *ц* почти всегда находимъ узконёбныя гласныя: лицѧ, лицю, до концѧ, палицю, навыцѧѥть 199 и др.

Послѣ *ш* и *щ* иногда встрѣчаемъ *о*=е: въспрѣщающомъ 54 б, расоужающомъ 6, гонѧщомоу 22, по рекшомоу 14 б, носѧщомоу 12 б, борющомъ 10 б.

Отмѣтимъ еще „одиного“ 87.

Переходя къ согласнымъ, прежде всего отмѣтимъ мѣну *у* и *в*: лаурьскаго игоумена 49, не оу печали гонезноу 16, нинеѵите 57 б, паулъ 99 б, 205 и др., въспѣхъ 57, въстранівъсѧ ѿ мира 18 б, оуселѥноую 55 б, оуселѥние 59 б, въгажаеть 171 б, въгодіша 188, въгодіти 198, въгаждание, въгодникъ 204 б, въгодьнъ, въчиним 188, и пр. Послѣдніе случаи можно разсматривать такъ же, какъ мѣну предлоговъ *въ* и *у*.

Непереходное смягченіе гортанныхъ отмѣчено уже въ Лекціяхъ Соболевскаго и по разсматриваемой рукописи: моужьскѣмь 30, на дъскѣ 176 б, ливаньскѣ-ѧ 105, (однако здѣсь должно читать ы въ концѣ строки).

Отмѣтимъ нѣсколько случаевъ соотвѣтствія русскаго *ч* старосл. шт: наречи 12; приричоуща 141, печера 3, мечоущумоу 69.

Массы русскихъ формъ съ *ж*=жд старосл. не приводимъ.

Интересны пропуски буквъ *г*=*h* и *в*=ɣ (по всей вѣроятности) и др.: оумачи (2 раза 45, причемъ сверху приписано позднѣйшей рукою *г*), оумачиша 83, оумачено 116 б, овъда (45 также сверху надъ *в* приписано *г*); ѿшъстиѧ 43 б, 63, насъшъстиѥ 43, ѱати 87, напьсанѣмь 110, бѿсаныѧ 134, псаниѧ 134 б.

Отмѣтимъ написанія: осѣнитѧ 52 б, объсѣнила 36; бесьса 152 б (без сьсьца), оуединиѥне 179 б.

Гласный *и* имѣетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ значеніе j: обычаи мать 198 б (пропущено *и*), вѣйа 163 б, третиѩго 161, третиему 144 б, третиёё 62, какъ *ъ* въ подобныхъ же положеніяхъ: бестрашъемь 65, бечъстъемь 69 б.

Какъ уже отмѣчено выше *ж*, *ш*, *щ*, *ч* всегда тверды, *ц* всегда мягкое, *р*, *л*, *н* бываютъ и мягкими и твердыми.

Изъ формальныхъ особенностей, среди которыхъ приходится отмѣтить много церковнославянскихъ формъ двойственнаго числа, прошедшихъ временъ, протяженныхъ формъ, отмѣтимъ нѣкоторыя.

Рядомъ встрѣчаемъ: ѿ землѣ 20 б, съ земли 26 б; на нбсе и на нбси 44 б, дне и дни, обычаимъ и обычаемь; много формъ твори. пад. на—ъмь и рядомъ на—омь,—омъ; въ мѣстоименіяхъ: тобѣ, собѣ (но чаще: тебѣ, себѣ).

Заслуживаетъ вниманія обиліе формъ родительнаго падежа именъ существительныхъ на—овъ,—евъ: смѣховъ 88, дховъ 146, мраковъ 146, бѣсовъ 195 б, обычаевъ 77 б, врачевъ 81 б, 185 б, вредовъ 107.

Особенности древнѣйшаго оригинала нашей Лѣствицы проглядываютъ во множествѣ протяженныхъ сложныхъ формъ, въ употребленіи двойственнаго числа, съ различеніемъ 2 и 3 лицъ въ глагольныхъ формахъ, въ употребленіи достигательнаго наклоненія. Ниже мы еще приведемъ и подборъ словъ, указывающихъ на діалектическія особенности церковнославянскаго оригинала, или первоначаль-

наго древнѣйшаго перевода Лѣствицы. Теперь же отмѣтимъ нѣсколько примѣровъ изъ массы формъ разсматриваемаго памятника.

Прилагательныя имѣютъ растяженныя формы всѣхъ чиселъ: въ род. пад. единств. числа имѣютъ—ааго,—ıаго,—аго, въ дат. пад. единств. ч.—оуоумоу,—оумоу,—юмоу,—шомоу,—щомоу, и проч.; въ глаголахъ двойственное число: станевѣ 1, 4 б, ѿвързостеса очи 90, коуписте 110 б, послоужисте роуцѣ 111, начастѥ 24; хранаста 74, расыпаста 89 б; единств. и множ. число имперфекта: чоуахъ 101, бѣаше и баше 55 б, бывааше 66 и пр. мьнаахоу 102, молаахоу 60 б; достигательное наклоненіе: красть шьдъша 11, погреть 15, 184.

Къ формамъ, отступающимъ отъ общаго типа памятника, относятся слѣдующія: ищужего 102, звѣреви 146, цр̃еви 204, любъви (род.) 131, Іоанни (зват.) 4, бѣжать 126 б, търпахъ 50, о второмь 185 (послѣднее *о* исправлено на *ѣ*: „о вторѣмь“). Замѣчательно, что мы не встрѣтили въ Лѣствицѣ XII в. извѣстныхъ древнерусскихъ формъ на—„хоуть,—шеть“, хотя преходящее время встрѣчается часто и въ полной формѣ и въ стяженной. Не встрѣчается и формъ 3 л. ед. и множ. чиселъ на—ти и. Не произошли ли эти формы изъ сокращенія встрѣчающихся часто въ нашемъ памятникѣ: „авить ти“ 191 и т. п.? Въ Лѣствицѣ XII в. постоянно находимъ 3 л. или съ „ти“, или съ „си“. А сокращенія, въ родѣ—ъш=ыш, или „осѣнита“=осѣнить та и т. п., указываютъ на возможность и такихъ явленій, какъ—тьти=тти=ти. Не имѣемъ ли мы здѣсь дѣла просто съ способомъ письма, графики, какъ „золоба“ при „зълоба“, „сьсьца“ и т. п.? Едва-ли это живая рѣчь XI—XII вв.?

Значительное количество глагольныхъ формъ 3 л. ед. и множ. чиселъ безъ—ть заслуживаетъ особеннаго вниманія: ѥ, е 60 б, 77 б, сънидѐ 129 б, сыпле 41 б, боуде 100, 169 б, 180 б, възможе 113 б, 165, 206 б, поможе 176 б, не хоще 113 б, въпие 112 б, начьне 122, престане 137, глѥ 112 б, бывае 144, 147 б, потребі 157, съхрани 165 б, ѕоу 76 б, 154 б. Вообще 3 л. ед. и множ. числа на—ть, исключая изрѣдка: есть.

Также много формъ 1 лица множ. числа на—мы: ѿвѣщахомы 12 б, оукрадохомы 122, приахомы 40, оувѣмы 44 б, оубоимыса 11, боудемы 11, обращемыса 21, подивихомыса 22, въгодимы 11, побесѣдоуѥмы 110, есмы (но чаще есмъ).

Повелительное наклоненіе имѣетъ во 2 лицѣ единств. числа форму: хощи ли 30 б, хощи 59 б, 102 б, не хощи μὴ θέλε 67, 98.

Упомянемъ о постановкѣ мѣстоименій сѧ, си впереди глагола: да сѧ биеть 90, да сѧ съвѧзоуеть, да сѧ възоупрашаѥть, да сѧ съоужаеть 91 б; възвѣривъси 34 б, възвѣрихъси 202, расыплиси 178, срдце си опечалѥть 17, си преплаваете 24.

Словообразованіе нѣкоторыхъ выраженій заслуживаетъ вниманія: стыдъкы помыслы 115, завискы 102 б (ѿ завискы бѣсовьскы), оучищенъ 135 б (плачъ оучищенъ всѧкоѩ скврьны; см. Миклошичъ Лексиконъ; оучиштати Cloz.), оучителище 146 б, елишды 34, многашды (всегда), двашды 160, десѧтишды 36 б.

Интересно сопоставить правописаніе Лѣствицы XII вѣка съ особенностями письма и языка „Архивской Лѣствицы XIII—XIV в.“ (библ. Московск. Архива Минист. Иностр. Дѣлъ), отмѣченными проф. Соболевскимъ въ статьѣ—„Два древнихъ памятника галицко-волынскаго нарѣчія“ (Русскій Филологич. Вѣстникъ 1884 г., № 3): 1) повторяются тѣже черты: при*о*бидѣ, видихъ, нижишим, скърбь, огл*и*маго, прис*я*дяща, оухыщрания, вьскъ, змья, вузы, умячивша, помужьскѣ, въспытаймы, есмы, испытаймы, вѣмы и проч., сыпле, буде, ѥ и пр. 2) особенности самостоятельныя: ѣ=е по образцу т. н. галицко-волынскихъ памятниковъ, случаи старославянскаго правописанія, въ словахъ „съмрьть“ и во всѣхъ производныхъ, полногласныя формы—оръ-, -ерь-, -ьрь-, великии и производныя съ—*ки*, што, веремя и проч.

Не объясняются ли галицко-волынскія особенности, замѣченныя проф. А. И. Соболевскимъ въ Архивной Лѣствицѣ, графикой, а не фонетикой въ слѣдующихъ случаяхъ: *ѣ*=е вмѣсто ѥ (масса случаевъ), *ю*=е въ „пущ*ю*ноу“ смѣшеніемъ съ йотированнымъ е=ѥ?

Замѣтимъ ошибки проф. Соболевскаго: стр. 104 „воле“ (неорганическое *в* въ воле?); см. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum Миклошича „воле“=ἄγε, ἆρα, ω, τι, встрѣчается въ Изборникѣ Святослава 1073 д., Златостр. и т. д. очень часто. Обращаемъ вниманіе на то, какъ важно справляться при изслѣдованіи переводныхъ церковно-славянскихъ памятниковъ къ сопоставленіямъ съ оригиналомъ, или принимать во вниманіе древность явленія, во всякомъ случаѣ—не русскаго, не галицко-волынскаго?

Обращаясь къ переводу Лѣствицы, къ характеристикѣ древнѣйшаго оригинала ея не можемъ не отмѣтить замѣчательныхъ южнославянскихъ (западнославянскихъ, сербо-хорватскихъ) выраженій и формъ:

ѿкрысаѭ 210 б, 211 ἀποσμήχων detergere;

окоутѣль 215;

отрѣканне 155, Псалтирь LXXIX, 7: прерѣкание ἀντιλογίαν;

брндость 214 б, δριμότητα asperiora;

отѣшнюнне 214 б στενοχωρίαν, affllictiones, у Караджича: отиjеснити, отиштесе;

коура 97 б;

кошоута 201 (остѣи кошоутѣ), по Лексикону Миклошича: cerva, корова? Караджичъ: кошута, cerva;

роугоуъ 131 б у Миклошича ржгочь, у Караджича: ругач, illusor;

ласкоуъ 120 б (ласкочъ есть бѣсомъ слоуга κολακευτής, deceptor;

лоукоуь 120 б (моужъ же хвальникъ паче же лоукочь=льстецъ, adulator, πλανήτης);

сребролюбиї 110;

вражнци 157;

вишнмь 97 (см. Миклошича сербск. вишь=хворостъ);

отьмнѣать 145 (какъ въ Маріинскомъ Евангеліи);

междю 196 б;

жскоусьнъ 192, **жко** 31, 192 и др. свидѣтельствуютъ о глаголическомъ текстѣ оригинала Лѣствицы, объ остаткахъ его въ нѣкоторыхъ начертаніяхъ перваго передѣлывателя изъ глаголиты въ кириллицу, причемъ глаголическое начертаніе для и, і смѣшано съ юсомъ ж.

По всей вѣроятности и **ѣ=ѭ** въ слѣдующей фразѣ: „**вьсѣ** котыга истъкана“ 187 б.

Вообще переводъ этотъ отличается близостью къ греческому подлиннику и, по всей вѣроятности, сдѣланъ въ очень давнюю пору славянской письменности, въ предѣлахъ сербо-хорватской рѣчи. Миклошичъ воспользовался, на основаніи Церковно-славянскаго Словаря Востокова, многими выраженіями этой Лѣствицы XII в. для своего Словаря древнеславянскаго языка.

До XIV в., когда появился новый сербскій переводъ (см. напр. отрывки въ Христоматіи — Примери Књижевности 1889 г. 137 стр. и д. — Новаковича вообще въ славянорусскихъ рукописяхъ съ XIV в.), переводъ древнеславянскій былъ въ большомъ ходу. Въ Патерикѣ Печерскомъ есть два мѣста, заимствованныя изъ Лѣствицы: (у Яковлева: Памятники CV стр.) „по (читай: но) что пишеть бл҃жный Иванъ, иже в Лѣствицѣ,

Жидовинъ жадаетъ брашна? да празднуетъ по закону“ (новое изд.
Патерика: „радуется, рече, жидовинъ субботѣ и празднику“); въ
Лѣствицѣ XII в. читается, какъ и во всѣхъ переводахъ славянскихъ
и др., иначе: „радоуетсѧ жидовинъ соуботѣ и праздьныи“: XV в.
Кіевск. Дух. Акад. „радоуетсѧ жидѡвинь сѫботѣ и празникоу“ (такъ
и въ спискѣ XVI в. Почаевск. Лавры), χαίρει Ἰουδᾶιος Σαββάτω καὶ
ἑορτῇ, Iudeus letat et facit festum die sabbati; по всей вѣроятности,
авторъ XIII в. цитовалъ по памяти Лѣствицу и имѣлъ въ виду все
слѣдующее мѣсто, которое приводимъ по списку XII вѣка: „радоу-
етсѧ жидовинъ соуботѣ и праздьныи чърньць гладивъ соуботѣ и не-
дѣли прѣдъ годъмь до велика дн҃е почітаеть и предъ дн҃ьми брашъна
готовить чътеть чревьныи рабъ кыими брашны попраздьноуѥть“
(л. 91); (по Яковлеву CLXIII стр.) „якоже рече Лѣствичникъ: любяй
имѣнія собирати, сицевыи иглы ради до см҃рти тружается“; въ Лѣ-
ствицѣ XII в. „любѧи же бьрание иглы ради до съмьрти троужа-
ѥтьсѧ“; по Лѣствицѣ XV в. Кіевск. Дух. Акад.: „любостѧжателныи
же иглы ради до см҃рти троуждаетсѧ“; ὁ δὲ φιλοκτήμων ὑπὲρ ῥαφίδος
ἕως θανάτου πυκτεύει; posessor autem contendit pro una acu usque ad
mortem.

Приведемъ еще нѣсколько выраженій изъ Лѣствицы XII вѣка,
интересныхъ для философскаго языка и для грамматики (листъ 90 б):
любомоудрити (такъ и въ позднѣйшихъ текстахъ) φιλοσοφεῖν, въ Ве-
неціанскомъ изд. 1518 г. sapienter loqui; предьположихомъ (такъ и
тексты XV—XVI вв.), προεθέμεθα, preponemus; чоужоусѧ—θαυμάζω
miror; оутробьнаꙗ несытость (объꙗденіе) γαστριμαργία, gula; лице-
мѣрьство (лицемѣріе), ὑπόκρισις, hipocrisis; ненасыщена бо соущи
скоудьства ради въпіеть (также XV—XVI вв.), κεκορεσμένη γὰρ οὖσα
ἔνδειαν ἀναβοᾶ, quia cum fuerit saturata simulat se famelicam; оутробь-
наꙗ несытость очима прелесть (чрѣвьное объꙗденіе есть очима
прѣльсть), γαστριμαργία ἐστιν ὀφθαλμῶν ἀπάτη, gula est deceptrix oculo-
rum; недѣли 91 Κυριακῇ, die dominico; до велика дне (о пасцѣ XV—
XVI), Πασχα, pascha; ѿ прѣтыканиꙗ (XV—XVI вв. ѿ еже претыка-
тисѧ) ἐκ μὲν τοῦ προσκόπτειν; цѣ 214 б, καίπερ, cum. Нѣкоторыя слова
въ Лѣствицѣ удержаны безъ перевода: лентиѡнъ 142 б, анагносании
113, 116, стихологию 115, комъкание 114, прологѡ 95 б, ѥунохы
97 б, ѳематисаниемь 101 б.

Нѣкоторыя слова и въ Церковно-славянскомъ Словарѣ Микло-
шича, взятыя изъ Лѣствицы XII в., являются единственными, не

повторяющимися въ другихъ памятникахъ: ѿпьцьлити руцѣ (XV—XVI вв. ѿмыти руцѣ) ἀποπισσῶσαι χεῖρας, Венеціан. 1518 г. lavent manus suas a contaminatione picis (abstergamus e manibus)—очистить руки; у Миклошича объяснено: exspectabamus — пьклити, tamen „пьцьлъ", какъ въ Супральск. ркп. πισσα pix=пьцьлъ, пьцьльнъ рядомъ съ распространеннымъ „пьклъ"; оскъкъща 107 (см. Миклошичъ: оскъкътати).

Въ древнемъ переводѣ Лѣствицы встрѣчаются ошибки въ переводѣ: „шестый (?) предьреченаго образа" ὁ ἐκτος τοῦ προειρημένου τρόπου; въ переводѣ XIV—XVI вв. кромѣ—aliter; въ древнѣйшемъ переводѣ смѣшано съ ἕκτος. Приведу здѣсь непонятное для меня мѣсто: „ижеллу и зълоупомнѣние и ꙗрость ѿложъшимъ 168; въ спискахъ XV—XVI вв.: „иже нечистотѫ и памѧтозлобіе и ꙗрость ѿтложьшимь"; τοῖς τὴν λαγνείαν καὶ μνησικακιαν καὶ θυμὸν ἀποθεμένοις; въ русскомъ переводѣ: „для тѣхъ которые очистились отъ вождѣленія, памятозлобія и раздражительности"; въ Венеціанск. изд. 1518 г. illi qui post depositionem luxuriae gulememoriae maliciae. Кстати приведемъ интересный образъ выраженія, напоминающій извѣстное мѣсто Слова о полку Игоревѣ: „блюдеть оубо мышъ сеꙗ ловитвьницѧ, мышъ же разоумна мълчаливаго мысль. не боуди ти ѿметьнъ предирѣныи показъ". При распространенности Лѣствицы въ древнерусской письменности можно ожидать указанія и другихъ ея отношеній къ древнерусской литературѣ, напр. къ Слову Даніила Заточника.

Замѣчательно также слово „стьрмѣе" 7, 24, 28, 31 б, 130 (разъ написано, какъ въ Супральской рукописи: стрьмъ)—κυρίως, prope, воистинну, справедливо; ср. малорусское выраженіе: стермо. Изъ древнеславянскихъ словъ въ текстѣ Лѣствицы XII вѣка замѣчательны: облишъ 17, васнь 19, 23, бьхма 24, 31, 79 б, бъхъма 24 б, шарчи 86 б, сокачии 27 б, алдии 80 б, ални 136 б, Христосу (всегда).

П. Владиміровъ.

